

Фотоальбом «Мы родом из войны» издается в рамках реализации проекта «Внимание. Почтение. Забота», реализуемого при поддержке германского Фонда «Память, ответственность и будущее» совместно с международным объединением «Взаимопонимание» в рамках программы «Место встречи: диалог».

Эта публикация не отражает мнения Фонда EVZ.

Основано на воспоминаниях узников, детей войны.

Иваново, 2021

Пока живем, помним...

Великая Отечественная война никогда не перестанет волновать людей. Она оставила в наших сердцах много боли и страданий. Слишком тяжелы воспоминания о ней.

В нашей стране нет ни одной семьи, которой бы не коснулась эта война. За годы войны только в Ивановском районе погибло около двенадцати тысяч жителей. Одной из самых трагических страниц той войны стала массовая отправка людей в Германию на принудительные работы, которая началась весной 1942 года. Задействовав армию и местную полицию, немцы устраивали облавы и угоняли в Германию целые семьи. Из Ивановского района было вывезено 2200 человек. Подавляющим большинством угнанных в фашистскую неволю были подростки. За годы жизни на чужбине они испытали тяжелые лишения, страдания, голод и болезни.

Сегодня именно эти люди, бывшие несовершеннолетние узники фашистской неволи, выжившие и вернувшиеся на родину, являются последними свидетелями самой страшной войны 20-го века.

На эту категорию пожилых людей был нацелен гуманитарный международный проект «Внимание. Почтение. Забота». Осуществление данного проекта стало возможным благодаря финансовой помощи германского Фонда «Память, ответственность и будущее» совместно с Международным общественным объединением «Взаимопонимание» по поддержке бывших жертв националсоциализма и других пожилых граждан военного поколения.

В осуществлении этого проекта приняли участие районный совет ветеранов и территориальный центр по социальному обслуживанию населения.

Проект нацелен на оказание волонтерами-ветеранами помощи и поддержки бывших несовершеннолетних узников, угнанных в фашистское рабство в годы войны. Их сейчас в районе осталось 57 человек. Проект реализуется уже два года. Наши волонтеры навещают этих пожилых людей, доставляют им средства санитарной защиты, продуктовые наборы, поздравляют с юбилейными датами. Делают это по зову души.

На завершающем этапе этого проекта остается еще очень важная часть – запись воспоминаний тех далеких событий. Волонтеры-активисты объехали и пообщались со многими очень пожилыми людьми, прекрасно сохранившими в памяти свои впечатления, события, факты того далекого времени. Эти материалы и использованы для создания данного сборника о детях войны, их судьбах.

Надеемся что сборник послужит сохранению исторической памяти. Ибо та история, которую помнят, которая вписана в коллективную память, только та история, которая склоняет голову перед своими жертвами, не допускает повторения.

**Л.А.Климовец,
председатель Ивановской районной организации
Белорусского общественного объединения ветеранов.**

Уважаемые читатели!

В современном мире учреждения, реализующие деятельность в сфере социального обслуживания, должны уметь адаптироваться к быстро меняющимся условиям и предвидеть тенденции социальных изменений.

Поэтому особую актуальность сегодня приобретает внедрение инноваций в социальной сфере. К одной из таких относится проектная деятельность, которая позволяет внести определенные изменения в социальную среду человека, дает возможность задать изменения социальных процессов, а в последующем через проект их реализовать.

Благодаря именно проектной деятельности можно развивать те направления, которые являются новыми для нашей сферы. А специалисты могут получить не только новые знания, умения и навыки, но также развиваться в направлениях, по которым в настоящее время ведется работа.

Ведь в рамках реализации проекта можно решить конкретную проблему либо улучшить качество выполняемой работы (ускорить ее) благодаря привлечению внешних ресурсов (привлечение средств, прохождения обучения специалистами центра, привлечение волонтеров). Таким образом проектная деятельность позволяет максимально увеличить имеющиеся у организации возможности.

Хотя сам проект ограничен во времени, имеет и момент начала, и момент завершения, однако его результаты могут проявляться еще долгое время после окончания реализации.

Так с 2015 года ГУ «Ивановский территориальный центр социального обслуживания населения» реализовано 9 социальных проектов, благодаря которым мы смогли значительно увеличить количество граждан, получивших необходимую помощь. Кроме того издано три справочных пособия: «Азбука безопасности жизнедеятельности», «Справочник экономической грамотности для пожилых граждан», «Мой ребенок особенный».

Уверена, что и фотоальбом «Мы родом из войны», изданный в рамках реализации проекта «Внимание. Почтение. Забота», будет столь же востребованным. И станет для читателя не просто познавательным, но и будет нести мощный воспитательный посыл, заставляя задуматься о вечных человеческих проблемах: добре и зле, войне и мире.

**Н.В Костюкович,
директор ГУ «Ивановский территориальный центр
социального обслуживания населения»**

Истории: узники

УГНАННЫЕ В ФАШИСТСКУЮ НЕВОЛЮ...

Родилась я 21 февраля 1942 года в деревне Кончицы Пинского района (в то время это был Жабчицкий район). Мои родители: Козёл Иван Петрович и Антонина Калениковна, работали в собственном хозяйстве ещё до появления колхозов. Имели лошадь, корову и сами себя кормили. Брат – Козёл Пётр Иванович, 1944 года рождения. Муж – Богданович Павел Тимофеевич, 1940 года рождения, передовик нашего колхоза, за заслуги был упомянут в книге «Памяць». Тётя – Войтович Марфа Калениковна, была угнана в Германию.

Семью нашу забрали в мае 1943 года. Вывезли в деревню Юхновичи на поезд, и так мы добрались на чужбину. Моя мама записала мне на память название места, где мы были: маёнток Тробштайфорвэрк в 4 км от города Дойч-Кронэ, село Квиран. Сначала мы жили в лагере, а потом приехал хозяин и забрал нас. Попали мы к фермерам (бауэрам) не одни: было много людей из деревни Дубое, Кончицы... Мы к ним ходили в гости, общались.

У хозяина был ещё главный маёнток (имение), где он проживал. В нашем маёнтке был назначен управляющий (бригадир). Жили мы в отдельном домике 1 год и 10 месяцев. Мама вспоминала, что работали, в основном, в поле по часам и в обед уже отдыхали. Была дисциплина строгая, но над нами не издевались и кормили нормально, поэтому мы не голодали. Была с нами бабушка, Козёл Ефима (отчество не помню), и сестра отца, Вера Петровна. Бабушке разрешили оставаться в доме, чтобы присматривать за мной.

Освободили нас в январе 1945 года русские войска. Отца отправили на фронт, где он и погиб. Похоронен в Германии.

После освобождения пешком шли в город Торунь. Мама со слезами вспоминала дорогу домой – много было убитых: и немцев, и русских. Танки шли, не выбирая дороги, по трупам. Оставались в этом городе до Победы. Спрашивали нас, кто освободил. Если говорили, что русские, то отправляли домой. Приехали поездом в город Иваново, потом в мамину

родную деревню Потаповичи. Прожив здесь некоторое время, вернулись в деревню Кончицы на повозке в надежде, что вернётся отец. После похоронки мама вернулась с нами обратно к родителям.

Деревня Потаповичи была сожжена, дома нашего не было и нам пришлось жить в землянке с нашими родственниками. Всего нас было около двенадцати человек. Потом дали древесину, помогли построить дом, который сохранился до сегодняшнего дня, но уже продан другим людям. Сначала было трудно, потом стало легче. Платили немного за погибшего отца. Брат, когда нас везли в город Торунь, очень сильно простудился и остался инвалидом 2 группы. Он получал небольшую пенсию. Но, к сожалению, рано умер.

После войны я ходила в школу в собственном доме. В то время не было денег строить отдельное здание, поэтому классы были по частным домам, около шести-семи домов. Закончила шестой и седьмой класс именно в нашем доме. Анастасия Васильевна – моя учительница географии и немецкого языка, была женой врача. Оба были в партизанах. С её братом я ходила в школу, которого воспитывала сестра одна, так как родители погибли. Она любила рассказывать о партизанах. Работала долго в школе и даже на пенсии. Мне нравилось учиться и я училась, но такого контроля как сейчас не было: могли в школу ходить, могли и не ходить. Муж учился в вечерней школе, так как они с мамой жили на хуторе. Молодёжь оставалась в деревне работать, ведь тогда не было принято идти дальше учиться.

Богданович Лидия Ивановна

Были лозунги: «Путь будь верным: из школы – на фермы!». После окончания семилетки уехала на заработки в Украину. Потом работала дояркой на ферме. Работали мы за трудодни. Сначала колхоз был бедным, поэтому платили марненько (скудно), но я могла купить себе каптанчик (кофточку). После работы помогала матери по хозяйству. Ходили на танцы уставшие после работы, ночью и даже зимой. Брали друг друга за руки, потому что боялись волков, но ни разу их вживую я не видела. Танцы были взрослыми и детскими: в одном доме одни, во втором другие. Детские делали сами подростки. Потаповичские музыканты играли на музыкальных инструментах и пели песни. Была танцплощадка летом недалеко от кладбища. Стоило это недорого.

Кино показывали сначала в обычном доме, потом в школе. Тоже стоило недорого. Часто показывали фильм «Свадьба в Малиновке», и сейчас многие киноленты из прошлого смотрю, стараюсь не пропускать.

На вечерки редко ходила, потому что работала. На них девочки вышивали, пришивали гарунки (кружева). Вешали в рамки. Парни тоже приходили, но часто нам мешали. Привозили в наш магазин горынь (цветные нитки), пэркаль (ткань). Мама была швейей, ткала ходники (половики) на собственном станке. Она часто пекла очень вкусные блины, картофельные клёцки, блинцы.

В 1963 году я вышла замуж за Петра Тимофеевича. С будущим мужем встречались до армии, и я его ждала и дождалась. Был он трактористом, а я – дояркой шесть лет (до 20 коров). Два сарая коров и доярок около десяти-двенадцати. Надоело вручную доить, и я ушла работать полеводом, и на пенсию. Было весело, даже тяжёлая работа была нипочём.

Со временем колхоз помог построить этот дом в 1968 году, и жизнь потихоньку стала налаживаться. Колхоз богател, и платить стали больше. В колхоз сдавали местные жители домашний скот, сено. Мы пололи дялки (участки поля). Нужно было выработать минимум, чтобы пенсия была больше.

К репатриированным людям относились хорошо: никто не смеялся, не издевался. Друг другу старались помогать. Даже говорили, что нам лучше было там, потому что здесь сожгли деревню, люди уходили в лес и жили в землянках. Трудно им было. Грабили днём немцы, а ночью приходили за едой партизаны. Односельчане рассказывали, что наше село сожгли, возможно, из-за убийства немца партизанами.

Магазины были в домах, помню, хоть ещё была маленькой, и их грабили. Даже лавочника из деревни Евлаши застрелили. Потом построили государственный магазин, и был промхозный магазин для тех, кто работал в лесу. Даже давали им хлеб, а нам приходилось его покупать в городе Пинск или выпекать самим. Пароход у нас ходил, летучка – так и добирались до этого города. В Пинске стояла десять раз в очереди за хлебом, чтобы купить его на свадьбу маминой сестры.

Вспоминаются самые дешёвые, но самые вкусные конфеты – «подушечки». Тогда местное население сдавало яйца в магазин. За 1 яйцо – 100 грамм конфет. Вот и мне хотелось конфет, поэтому я брала яйцо и относила его в магазин.

В 1995 году начались выплаты марок, возможно, в 1996 году. В 2006 году – последняя выплата.

Сейчас проживаем с мужем вдвоём в деревне Потаповичи.

Воспоминания записала Пернач О.В.

Бородинчик Вера Васильевна родилась 8 июля 1929 года в семье Михальчука Василия Ивановича и Анны Ивановны, в которой кроме неё был старший брат Ваня. Хотя и родилась на Украине в Любешовском районе, в деревне Дольск (хутор Лебеда), но считает себя белоруской. Родители Веры Васильевны, уроженцы деревни Кремно Дрогичинского района, после Столыпинской аграрной реформы приобрели в личную собственность участок земли на Украине, куда и переселились. Мама умерла, когда маленькой Вере было три года, а в семь лет она и брат остались круглыми сиротами.

У неё нет фотографий своих родителей, а лишь остались воспоминания о тёплых материнских руках и о ласковом голосе отца. Могилки их находятся на той стороне границы – на Украине.

До войны она успела закончить два класса советской школы, где училась на «отлично».

Во время войны умерла и бабушка, Прасковья Ануфриевна, которая заменила им мать. В четырнадцатилетнем возрасте была угнана вместе с братом гитлеровскими войсками на принудительные работы в Германию в город Кёльн.

Бородинчик (Михальчук) Вера Васильевна с 15 мая 1944 года по 15 мая 1945 года находилась на принудительных работах в Германии (г.Кёльн)

Из воспоминаний: «Везли нас в товарных вагонах больше двух недель, Мы были без света, без еды. Взять с собой мы ничего не успели, да и взять было нечего. Видя

наши голодные глаза, люди в вагоне нас подкармливали. Жажда и голод запомнились на всю оставшуюся жизнь.

На конечном пункте нас построили, начали делить для отправки в различные места. Когда стали уводить от меня моего брата, я начала плакать и просить немцев не разлучать нас. Не знаю почему, но нас отправили на работу в одну местность. Бараки наши стояли рядом. Работа была разная: у него – тяжёлая работа у бауэра (фермера), а у меня – работа на кухне для пленных. Там я помогала готовить еду, чистить картошку, убирать. Среди девушек-узниц, работавших на кухне, я была самой младшей, поэтому они по-матерински относились ко мне.

Как выжили, сама до сих пор не пойму, ведь мы все были обречены на верную гибель. Я хорошо помню коротенькие встречи со своим братом. Он выглядел уставшим и голодным, поэтому я старалась поддерживать его. Незаметно брала на кухне немного еды (кипяток, картошку) и передавала её брату.

Бородинчик (Михальчук) Вера Васильевна с 15 мая 1944 года по 15 мая 1945 года находилась на принудительных работах в Германии (г.Кёльн)

Освободили нас американские войска. Мы так радовались свободе. Но недолго: брата, ещё в Германии, мобилизовали в Красную Армию, и я опять осталась одна. Предстояла тяжёлая дорога домой, в родную Лебеду. Путь был самым долгожданным и трудным. Но моего дома, как и всей деревни, на месте не оказалось – всё было сожжено фашистами. При помощи своих земляков, соорудила временное жильё и, работая на других, обзавелась хозяйством.

Была очень трудолюбивой, поэтому не побоялась вместе с семьёй тёти оставить землянки и перебраться в другую деревню, а теперь уже в другую страну – хутор Тетерюки недалеко от деревни Вивнево Ивановского района – в пустующий дом Виталия Марковича Бородинчика». Именно здесь, вернувшись с войны, он заприметил свою спутницу жизни – молоденькую привлекательную девушку.

Виталий Маркович родился 14 февраля 1926 года. Его отца – Марка Вакуловича убили 14 октября 1942 года бандеровцы. Виталий Маркович помогал партизанам, стоял в дозоре, был связным. В 18 лет в 1944 году начал свой военный путь в городе Чернигов в войсках ПВО. Охранял мост, был контужен. Восстанавливал послевоенный город Минск. Служил до 1951 года.

В 1951 году они и поженились. Остались жить в этом доме, со временем построили более просторный. Вместе они вырастили и воспитали 9 детей. Посадили огромный сад. И в своём родимом гнездышке ждали к себе своих родных. И каждый из детей, несмотря на расстояния, государственные границы едет теперь уже к оставшейся одной родной, любимой маме.

Вера Васильевна и Виталий Маркович Бородинчик

Бородинчик Марк Вакулович и Марфа Прохоровна (Талатынник) (родилась 11.06.1902 г.)

Дедушка и бабушка Бородинчика В.М. - Талатынник Прохор и Мария. Заработали деньги в Америке, смогли купить землю на хуторе в начале XX в., которой впоследствии пользовались дети.

Родилась я в деревне Потаповичи 14 сентября 1929 года. До войны училась в польской 3 класса, в русской и даже шесть недель в немецкой школе. В деревне была построена двухэтажная польская школа, в которой работали и проживали учителя на верхнем этаже. Она была четырёхклассная, но учились семь лет: первый и второй класс – по одному году, третий – два года, четвёртый – три года. После прихода русских в деревне Хомичево открыли пятый класс.

Начало войны люди воспринимали плохо, а мы, дети, не всегда всё понимали. В 1943 году с 10 на 11 сентября немцы сожгли мою деревню и многих людей забрали в Германию. А причина была следующей. В деревне Людиновичи был польский маёнток (имение), где немцы посеяли овёс. Партизаны во время уборки зерна пробрались в школу на второй этаж и застрелили немецкого солдата. И началось! Дома жителей полыхали как факелы, правда, массового расстрела не было. Некоторым моим родным повезло. Отец был на варте (сторожил), поэтому смог убежать. Мои братья погнали коров в лес и спрятались. А нас вернули, когда мы ехали на лошади, но старший брат успел сбежать, и отправили в город Пинск, где был сборный пункт. Завезли пять душ: бабушка, мама, я и две млад-

ших сестры. Забирали всей семьёй, но посчитали и забрали только меня. Мне было тогда 14 лет, но хоть я и записала, что мне 13 лет, меня всё равно забрали.

Дядю с тётёй тоже отправили в Германию, и они, пожалев меня, забрали к себе. Нас определили в лагерь Шальценберг, город Сабрикин (Саарбрюккен) возле французской границы. Возможно, было несколько городов с таким названием, потому что там была сочинена песня: «Живём мы в Сабрикине Первом, где был раньше кожевенный завод. Разбомбили его англичане, где сейчас живёт русский народ. Он живёт и о доме мечтает, чтоб скорее вернуться туда. Но ещё говорят нам такое: не вернётесь туда никогда. До свидания, папа и мама! До свидания, родные, друзья! Что остались там, в Украине (краине), куда скоро вернусь и я». Писали письма родным, но они не сохранились.

Мы прибыли туда и мне был назначен детский паёк: бутылка молока, я его не пила, отдавала дяде; взрослым – четыре картофелины, мне – две; им каждый день по 300 грамм хлеба, а мне через день и 150 грамм. Этого было мало, и хотелось заработать больше. Выход был один – не стесняться и просить еды у местных жителей, даже у монашек. В то время были карточки, и они не могли купить большое количество хлеба, поэтому давали одну булочку. А вот квашенные помидоры в бочке продавали без карточек.

Был целый лагерь, в комнате – по пять-шесть семей. За работу нам платили. В основном, мы занимались строительными работами, уборкой после бомбёжек американской авиации.

Во время американского наступления отправили нас подальше, ближе к центру германских земель. И опять распределение. Разобрали нас хозяйева: я у одного хозяина, тётя – у другого, дядя – у третьего, но мы встречались. Чаше ходили туда,

Войтович Марфа Калениковна

где работал дядя. Хозяйка тёти была очень хорошей: любила со мной поговорить, показывала мне своё свадебное платье, иногда давала одежду, костюмы, халаты.

Освобождали нас русские войска. После освобождения мы собрались группой из одной местности и отправились в путь. Добирались на поезде, подвозили нас машины, редко шли пешком.

Приехали домой в 1945 году в скором времени после Победы, а деревня сожжена, домов нет. Жили мы большой семьёй в землянке. Сестра с детьми была в деревне Кончицы, потом после похоронки на мужа вернулась к нам.

В послевоенное время жилось туго. Пришлось отстраивать деревню, налаживать мирную жизнь. В деревне не все вернулись после войны – Василий Заяц с семьёй уехал в Америку ещё до войны, и не вернулась ещё одна семья. К вернувшимся из Германии в деревне относились нормально, понимали, что не по своей воле мы туда уехали. А нас было двадцать один человек. В Петровичах лютовала бригада бандеровцев. Однажды они сильно избили дядька Сергея и убили Якова «Пекача». Потом их раскрыли и наказали. Один такой бандеровец из деревни Петровичи сидел в тюрьме 25 лет.

Создавались колхозы, в которые нас заставляли вступать. Василий Заяц и ещё несколько человека не хотели. Колхоз первый – «Красный партизан» (2 бригады), входило только наше село. Потом – «Заря коммунизма».

Со временем мы обжились, построили дом. Дерево выписывали из деревни Молотковичи. В 1948 году я вышла замуж за Войтовича Алексея Анисимовича, моего односельчанина. Познакомилась как все – на вечёрках, танцах. Сёстры мои дразнили его – Гарабейчик. Он сказал мне однажды, что если выйду замуж за него, то он подарит мне сапоги. В браке родилось пятеро детей: четыре дочери и сын. И двадцать три правнука у меня. Муж умер в 71 год в 1998 году.

Работала полеводом и дояркой (13 лет) в колхозе, потом вышла на пенсию в 1979 году. Муж был механизатором, трактористом. Было у нас домашнее хозяйство: корова, овечки, свиньи.

Воспоминания записала Пернач О.В.

Рассказывает Волк Василий Александрович, 1924 г.р., житель д. Полкотичи.

В список на выезд в Германию занесли мою сестру Марию. Плачет. Есть парень, хочет идти замуж за него. Ну, я и решил вместо неё ехать. Мать пошла к старосте Масляку решать этот вопрос. Тот отправил меня в Пинск в комиссариат, где определили, что поеду я, а Маня остаётся. Было это в марте 1942 года. Из деревни тогда много взяли холостой молодёжи: Брошук Василий Фёдорович (Ревко), Переходько Вилиян, Паша Перец, Волк Степан (Кантюх), Веренчук Володя, Веренчук Оля, Сак Володя, Дудко Фёдор (Неодор), Иван Дорошук, Христя (забыл фамилию), вместе с которой поехал её парень из деревни Застружье, Дуня Кулеш (Выжловчина дочка, не вернулась и осталась в Польше), Оля (Огапчина дочка, не вернулась, осталась в Польше, затем в Австралию уехала).

Федя Дорошук тоже вместо сестры ехал. Выезжали из города Пинска в город Гродно. Затем прямым поездом во Франкфурт-на-Майне. Попал я с Иваном Кухтой из деревни Вилы в немецкую деревню Бургольгаусендорф, к хозяину Вилли Вестерфельду. Иван был красивым парнем! И случилась у него любовь с дочкой хозяина. У них родился ребёнок и он принял остаться в Германии. Прожил он там 50 лет! Известие о смерти Вани прислала его жена-немка.

Случился в моей жизни один неприятный случай. Случилась драка! Один мужчина ударил меня по голове. Ну, а я, недолго думая, врезал ему в нос – юха и полилась! А тут управляющий фермой подъехал. Начал расспрашивать и доложил в жандармерию. Хозяин хотел замять это дело, но не получилось – забрали меня в тюрьму в городе Кизен. Три месяца я там был. Били, есть не давали. Ноги опухли.

Как раз была страда – уборка урожая. Приехал в тюрьму один хозяин-немец, знакомый начальника тюрьмы, и начал просить, чтобы ему работника из числа тех, что не очень страшные преступники, а то, мол, поляк от него сбежал, работать некому. Выбрали меня. Посчастливилось. Попал в деревню Лиценбеж, вблизи города Буцбах. Новый хозяин оказался неплохим человеком. Две недели лечили меня, откармливали. Освобождали нас американцы.

Ну, а как домой вернулся, узнал, что тут у нас партизанщина сильная была. Воевали засланные Москвой и наши местные, даже поляки наши местные воевали против немцев. Услышал, что в подполье работали Кухарчук Фёдор (Куцык), Крышталь Оля (Чырнэцка), Прузына Кулеш (Выжловка).

Много односельчан погибло. Сожгли хутор Лядыны. Семь или девять человек убили и сожгли их тела. Убили евреев: Йоську в собственной постели застрелили, старого деда Сёрки тоже застрелили, а всех остальных загнали в гетто в Пинске. В Отолчицах убили семерых партизан. Донёс немцам в Мерчицы предатель по прозвищу Данько. Среди этих убитых был один парень из деревни Табулки. Родня приехала, раскопала могилу и забрала его. Остальные – неизвестные – лежат на кладбище в деревне Каролин. А старосту Полкотичского Масляка под конец войны НКВД забрал, так и сгинул. Ну, а Борзиловский, староста Скорятычский, с немцами сбежал.

Липская Н.А., жительница д. Полкотич

В 1944 году мне исполнилось 16 лет. Когда фашисты стали сжигать хутора, беженцы ушли в деревни за Днепровско-Бугский канал. Нашу семью и ещё несколько жителей отправили на станцию, погрузили в вагоны: четыре вагона из Восточной Беларуси, один вагон из города Пинска, один вагон из города Янов-Полесский.

Больше тысячи человек отправили в Германию. Высадили под Францией где-то в ущелье недалеко от Альпийских гор. Разместили в бараках без света, потолка, пола и дверей по десять человек. Вещи сдали в склад. Стояли в два ряда кровати-сетки без постели. Ночь была вечностью: сидели, дрожали. На второй день, каждого пронумеровали.

Кормили свирепой с гусеницами. Вода была грязная. 15 суток сидели за проволочными ограждениями. Через десять дней измождённые люди не узнавали друг друга и начали умирать. Потом я попал в город Мангейм на работу. Город был в руинах, и узников отправляли на восстановление города, ремонт домов. Два месяца работал на мясокомбинате, где кормили утром и вечером. Давали брюкву и 300 граммов хлеба. Немцы следили, чтобы никто с собой ничего не взял.

А 1 марта 1945 года американские самолёты бомбили город полтора часа. В бомбоубежище прятались все: и конвоиры, и рабочие-узники, и местное население. Одна немка на меня в убежище всё кричала «Русские, кляйне пляц» (из-за русских мало места в убежище). Но когда погас свет, задрожала земля и стены, от страха эта немка спряталась у меня под мышкой, прижалась и говорит: «Вай, вай!». А я её спросил: «Филь пляц?» (Что, много места?).

После бомбёжки, весь город трое суток был в пыли, огне, и никаких дорог. А узники, переживали за родных, что остались в бараках (малолетки и больные). Дорогу к баракам нашли вдоль берега реки Рейн. И на удивление всем барак был целым и невредимым.

25 марта немцы выгнали всех из барачных, построили в колонну и погнали. 10 км шли, но вдруг начали стрелять американцы. Все разбежались. Наша семья отстала, на перекрестной дороге залегли за вал. Пять суток лежали без воды и еды. На шестой день пришли американцы. Всех освобождённых свели в военный городок 30 марта 1945 года. Затем тех, кто пожелал вернуться на Родину, довели до границы Беларуси и Польши. Вот так мы возвратились домой!

Климович Тихон Степанович, 07.11.1932 г.р.

В Июне 1944 года я вместе со своей семьей был угнан немцами в Германию. Семья была большая: отец, мать, четыре брата, две сестры, вместе с нами была тетя с мужем, бабушка.

В деревне Кужеличин было собрано много семей из разных деревень. Из хутора Баландичи кроме нас была еще одна семья, много семей было из д. Мохро, д. Одрижин и из окрестных хуторов. Помню одну женщину с маленькой девочкой, она приехала к родне в гости в д. Мохро и их тоже забрали немцы.

В деревне Кужеличин всех согнанных осматривали и делили на две группы, людей молодых, здоровых, сильных отбирали в одну (группу для отправки в Германию), остальных в другую группу. В первой группе оказалась и моя вся семья. Куда отправляли другую группу людей я не знаю.

На следующее утро отобранных в первую группу пешком погнали в Иваново, расселили нас в еврейском гетто, а потом грузили в товарные вагоны на станции. На границе с Польшей людей отправляли в баню мыться, а одежду дезинфицировали в прожарках.

По прибытию в Германию нас расселили в бараках, где ничего не было, кроме двухъярусных нар с натянутой сеткой, на которых приходилось спать. Хотя было лето и днем было тепло, но по ночам было холодно. Когда прошло время карантина, моя семья попала в город Гольдберг (нем. Goldberg), а оттуда – в ближайшую деревню. Разместили нас в здании, возможно, бывшей школы.

Взрослых ежедневно отправляли на работу, а я, на то время 12 летний мальчик, мои сестры Ганна и Оля 8 и 10 лет оставались в бараках. Кормили утром и вечером. Хорошо помню, как нас перевозили на тракторе с другими людьми на новое место в город, что на реке Рейн. Этот город часто бомбили и всем приходилось прятаться в своеобразных бомбоубежищах под землей. После бомбежек взрослые разбирали завалы, расчищали город.

Освободили нас в марте 1945 года американские войска. Для того, чтобы встретиться с Советской армией, мы шли пешком, от города к городу. Я хорошо помню, что шли километров по сто три-четыре дня. Было трудно идти, но мы жили надеждой о скором возвращении на Родину.

На Родину моя семья вернулась в сентябре 1945 года. Возвращаясь на родной хутор, много пришлось пережить трудностей. Дом был сожжен немцами, поэтому пришлось ютиться у родственников первое время.

Послевоенное время жил и трудился в родной деревне полеводом, обзавелся семьей, вырастил детей. Сейчас у меня один сын, живет в Бресте, есть внуки. Они часто приезжают к нам с женой.

Документы, подтверждающие что, я являюсь малолетним узником, находятся в государственном архиве г. Пинска.

Воспоминания записала Климович Т.Н.

«Когда работаю, то легче!»

Татьяна Фёдоровна Климук родилась 18 февраля 1924 года на хуторе Вашиёк возле деревни Упирово в большой семье – родители и семеро детей. «Я могу и по-польску расписаться» – с улыбкой сказала Татьяна Фёдоровна и не просто так. Она закончила польскую школу. Домашнее задание не было времени готовить — надо было помогать матери по хозяйству, но при этом девочка успевала хорошо учиться. Была непослушной и часто во время диктанта писала кириллические буквы вместо латинских. Особенно ей нравились уроки труда, когда учили ткать и вышивать. И сегодня дома у Татьяны Фёдоровны много вышитых наволочек, полотенец, сорочек, платьев, простыней.

С раннего детства родители приучали своих детей к труду, и семилетняя Таня вынуждена была работать няней, потом пасти коров, чтобы помочь своей семье.

Была она энергичной и очень активной, и даже решила учиться на тракториста по предложению подруги из деревни Дубое. Но брат Павел, работавший местным милиционером, был против такого выбора трудового пути для своей сестры.

В 16 лет девушка вышла замуж за Жилюка Константина. Но из-за того, что она была несовершеннолетней, этот брак не был официально зарегистрированным. «Какая там свадьба! Из марли фата, и вся молодая!» – вспоминает Татьяна Фёдоровна. Но счастье молодых было недолгим – совсем скоро началась война и её любимого мужа расстреляли возле деревни Вартыцк в Микитском лесу. Она хотела его спасти, но судьба распорядилась по-своему... Вечером после расстрела родные забрали тело Константина и похоронили без церковного отпевания в деревне Упирово.

Осенью 1941 года в семье Татьяны Фёдоровны случилось ещё одно горе – погиб старший брат Павел. По доносу предателя его 10 октября 1941 года расстреляли по дороге Иваново-Огово, заставив выкопать себе могилу. Родные узнали об этом от знакомого из деревни Ополь, которого брат попросил передать сапоги и рассказать, где он похоронен. Не чувствуя под ногами землю родители тут же выехали к месту расстрела. Увидев бугорок свежей земли, сердце матери сильно сжалось. Она подошла и начала раскапывать руками могилу сына. Всё замерло вокруг! Только немой плач и тихое ржание лошади Павла! Потеряв своего хозяина животное не могло сдержать слёзы. Ночью тело брата привезли и похоронили в деревне Упирово.

Константин Иванович и Климук Татьяна Фёдоровна

Татьяна Фёдоровна вспоминает, что перед Троицей летом 1942 года **Брат Павел**

собрали молодых и, в основном, одиноких работников из Упирова и других деревень, среди которых была Татьяна Фёдоровна и её подруга Оскирко Мария, 1924 года рождения, а также двоюродная сестра Климук Анастасия. Привезли их в город Иваново на железнодорожную станцию и отправили в город Брест, где сделали санобработку. Оттуда поездом увезли в чужую, враждебную Германию. Дорога казалась вечностью, а будущее беспросветным, в котором она возможно никогда не увидит своих родных.

Приехав в Германию, подруги попали к достаточно зажиточному хозяину, который владел большим хозяйством: около 30 свиней, коровы, 300 гектаров земли. Его дети, сын и дочь, погибли в Польше, и ему некому было помогать.

Татьяна Фёдоровна вспоминает, что за работу им не платили, только кормили пять раз в день: кофе с молоком, копчёное мясо и другое. Многие угощения она впервые попробовала на чужбине. Хозяйева относились, в целом, неплохо и даже хотели, чтобы она с ними осталась.

Ещё будучи в Германии Татьяна Фёдоровна получила похоронку, в которой говорилось, что на заработках в деревне Мотоль погибли её отец Фёдор и брат Василий. Их убили возле церкви и похоронили на еврейском кладбище в деревне Осовница. Через год партизаны перезахоронили их в братской могиле в деревне Мотоль.

13 ноября 1942 года были убиты её мама, Анна Кондратьевна, братья Гриша и Петя, невестка Варвара во время массового уничтожения людей в городе Иваново. Они похоронены в городе на кладбище евреев, военнопленных и партизан на улице Пушкина, хоть их имена и не указаны на могильных плитах. К счастью, брат Даниил в это время находился в деревне Тышковичи и обучался ремеслу сапожника. Сестру Александру спрятала жена солтыса (старосты) в сундуке и немцы её не нашли. Она вместе с подругой ушла «на болота» к партизанам около деревни Спорово.

Вот так из большой семьи осталось только трое: она, брат Даниил и сестра Александра.

После освобождения Красной Армией Германии работники немецкого хозяйства, где работала Татьяна Фёдоровна, в количестве восьми человек: украинцы, поляки и она, одна из Беларуси, собрались на Родину. Хозяйка в дорогу дала буханку хлеба, копчёное мясо.

Дорога была трудной и непростой. В основном, шли пешком. Впервые они столкнулись с недопониманием, спросив у советских солдат правильный путь и услышав в ответ: «Как пришли, так и добирайтесь!» Иногда получалось подъехать на автомобиле.

Первым пунктом стала Польша, где некоторое время девушка проживала у

Брат Василий Фёдорович

Брат Даниил Фёдорович

Сестра Александра Фёдоровна

Климук Татьяна Фёдоровна

друзей. Но душа рвалась домой и в скором времени Татьяна засобиравалась в дорогу. Прибыв в разрушенную Варшаву, она сутки стояла в очереди на вокзале, чтобы купить билет до города Бреста. И вот она в вагоне! Людей было очень много, все хотели побыстрее вернуться домой. Ехать приходилось стоя, некоторым пассажирам даже пришлось выбросить свои вещи, чтобы поместилось больше людей.

В город Иваново она приехала в июле 1945 года. Татьяна Фёдоровна не узнала станцию – был «Янов», стал «Янов-Полесский». Отметилась в милиции и повозкой доехала до деревни Кривица, переночевала у родственников, а утром её забрали дядя и сестра Саня (Александра).

Когда вернулась, боль сжала её сердце – деревня сожжена, дома нет. Пришлось жить две недели в погребке, потом родственники забрали их в деревню Калилы. Но и здесь они прожили недолго и вынуждены были вернуться в деревню Упирово.

В 1950 году государство выделило ей лес для строительства дома, который она строила сама, своими руками. Окна сделал хороший столяр, живший по соседству. В качестве оплаты пришлось отдать сено и самогонку (горилку). За черепицей для крыши Татьяна Фёдоровна ездила в посёлок Домачево возле города Брест. Вспоминает, что черепица была очень горячей, поэтому сверху положили берёзовые ветки. Не было пола, поэтому приходилось ездить три раза в Псыщевский лес, который охранял вредный лесник из деревни Вартыцк. Она упорно противостояла ему и, возможно, такое противостояние продлилось бы долго, если бы не вмешался председатель колхоза и не заступился за неё.

Больше замуж Татьяна Фёдоровна так и не вышла. Ещё в 1947 году родилась дочь Анна, для которой она стала и отцом, и матерью. Чтобы прокормить семью, она ездила на заработки в Украину, оставляя Анечку под присмотром брата. Но материнское сердце не знало покоя, и вскоре было принято решение вернуться в колхоз, заведующим которого в то время был Василий Иосифович. В Пнюхах было много коров, поэтому работала дояркой. По тринадцать коров вручную доила десять лет, потом уже появились доильные аппараты. Была иногда помощником комбайнёра. Она никогда не давала себе покоя – всегда находила себе занятия, даже дополнительно брала участки для прополки в колхозе.

Дочь выросла, вышла замуж и родила двоих детей. Со временем она переехала в Украину. Ещё раз судьба решила испытать силу духа Татьяны Фёдоровны, лишив её самого любимого человека – доченьки Анечки не стало в возрасте 54 лет.

Сейчас она проживает одна в доме, в который вложила частичку своей души, свой труд и свои надежды. Любимые внуки далеко, но бабушку не забывают. Как бы жизнь не пыталась её сломить, Татьяна Фёдоровна не сдалась. Утешение она всегда находила в труде, который всегда любила.

«Слава Богу, несмотря на такую трудную мою жизнь, я живу так долго, наверно, и за своих родителей, и старших братьев» - уверенно утверждает она.

Дочь Климук Анна

Записали историю: Митрофанова В.И.

Дополнили историю: Мартынович О.С., Пернач О.В.

Рассказывает Клыгун Алексей Николаевич, 1937 г.р., уроженец и житель деревни Полкотичи Ивановского района.

Мне было 5 лет, когда мою семью вывезли в Германию. Отец мой – Николай Кондратьевич, мать – Антонина Никифоровна, и я. Семья была бедная, поэтому заплатить старосте Масляку не было чем, так что пришлось ехать на чужбину. Сначала на подводах доехали до деревни Кротово, где проходила узкоколейка. По ней – до Янова, а там погрузили нас в грузовые вагоны и увезли в Германию. По дороге некоторые пытались бежать, но были расстреляны.

С нами вывозили семьи: Дудко Павел Андреевич с женой и сыном Степаном; Веренчук Агафон с женой, сыном Сашей и дочерью Анной; Липский Владимир Александрович с женой и 5 детьми; Переходько Павел с женой, без детей; Шульган Рыгор с женой Олей и сыном Володей.

Приехали в город ГанOVER, а там хозяева-немцы разобрали нас по своим деревням. Попала наша семья к пожилому фермеру Вильяму, фамилию которого уже не помню. Там у него ещё работали два поляка, ухаживали за свиньями. Наша семья доила около пятидесяти коров. Я помогал всем, чем мог родителям.

Нашу сторону освобождали американцы. Всё спрашивали, как немцы к нам относились. Наши люди молчали, а поляки всё рассказали: как мила. Одна буханка хлеба на взрослого на целую неделю! Помню, как

издевались, как не кор- испытывали постоянное чувство голода. Воровали молоко, поэтому и выжили. Жили в бараках на территории фермы. На одежде была нашивка – с Востока. Какие-то марки платили, но покупать что-либо мы не имели права.

А ещё помню, как в Германии у хозяина яиц накрал и спрятал за пазуху, в карманы. А он меня побил за это. А яйца те все разбились. Это ж какая б была ячня! Не дай, Бог, войны!

Когда наступали американцы, был бой очень сильный. Самолёты бомбили с неба. Мы прятались в подвале и только после его окончания вышли, а во дворе было много негров. Один дал отцу автомат и объяснил жестами, чтобы отец убил хозяина. Отец не согласился. Американцы нас откормили, мы поправились, поздоровели. А потом, через некоторое время нас передали в советский лагерь, где мы опять голодали. Вши. Пошёл тиф. Ох и померло народу! После «фильтрации» НКВД оправил нас домой в конце осени. Мать из Германии привезла фарбы (краска) всякой. Продавала в деревне или меняла на еду. Опять голод! Но как-то выжили. Дай, Бог, детки, чтоб вы войны не знали. Ни вы, ни дети ваши, ни внуки-правнуки.

Записала Застровская В.А., зав. клуба в д. Полкотичи

Частью немецкого оккупационного режима являлся вывоз трудоспособного населения из Беларуси на каторжные работы в Германию.

В апреле 1942 года 30 молодых парней и девочек из деревни Яечковичи Ивановского района принудительно были вывезены в Германию, участь которых разделил Леончук Михаил Николаевич, 1925 года рождения.

Из воспоминаний Михаила Николаевича: «В конце 1941 года староста по указанию немцев переписал всех молодых парней и девочек с 1920 по 1926 год рождения. После этого всем молодым людям выдали «паспорта», состоящие из двух листков. У кого не было фотографии, то на её место прикладывали большой палец. 27 апреля 1942 года в деревню приехало много немцев. Окружив деревню, они через старосту передали приказ собираться для отправки в Германию и предупредили, что если кто попытается скрыться, то расстреляют всю семью. Каждая семья должна была отправить одного человека.

Силой немцы начали стогнать парней в центр деревни. Родителей заставили на подводах везти нас в город Пинск, где посадили в товарный поезд и отправили в город Брест. Там нас поместили в тюрьму, где каждого проверяли врачи. Это продлилось 3 дня. После этого опять погрузили в товарный вагон и отправили в город Гродно, где мы находились три дня, а дальше – в город Белосток. В Белостоке нас погрузили в пассажирские вагоны и отправили в Германию.

Привезли в лагерь, где было много французских и русских военнопленных. Нас распределили по группам по семьдесят человек, выдали рабочую книжку. Фотографировали с номерами. Свой номер я точно не помню, знаю, что было четыре цифры, а запомнил только «27». Здесь нас разлучили с девочками. Некоторых односельчан отправили в город Штетин, а я попал в город Рейсвальд. По ходу движения на каждой станции немцы забирали себе рабочую силу.

Наш хозяин отобрал себе восемь человек. Работали на ферме, выполняли все полевые работы. Обращение к нам было страшное: кормили скудно, одежда плохая, на которой носили полоску с буквами «OST». Работали с шести часов утра до шести часов вечера. Никто нас за людей не считал. Хозяева настроили своих детей против нас, убедив, что мы какие-то чудовища, и они постоянно прятались, когда мы шли на работу или с работы».

Когда Михаил Николаевич попытался убежать, его поймали, избili и бросили в сарай. В Германии он пробыл три года. 30 апреля 1945 года Красная Армия освободила узников. Запрягли немецкую повозку и поехали домой. На шоссе стоял пост. Михаила Николаевича вернули и забрали в армию на четыре года.

Домой вернулся только в 1949 году. В 1950 году женился. Вместе с женой построили свой дом, вырастили четверых детей. Работал Михаил Николаевич на экскаваторе, на тракторе, а потом в строительной бригаде колхоза «Заря коммунизма».

Родилась в деревне Ячковичи 9 января 1935 году. Родители: Свирепа Александр Иванович и Парасковья Авакумовна. Был у меня братик Иван, 1939 года рождения, и бабушка старенькая Федора, она с нами ездила, страдала.

Забрали всю семью. Пришли немцы, было их двое, приказали отцу запрячь лошадь и отправляться своим ходом. Мы плакали, но они всё равно заставили нас собираться. Погрузились и отправились в путь в сопровождении немецкой охраны. Собирали нас в деревне. Много ехало людей. Кто был смелее, тот убежал в лес, а кто более боязливый, тот не решился сбежать.

Отправили нас в палаточный лагерь на каком-то болоте, где жили так одну-две недели. Приезжали фермеры несколько раз. Забирали, в основном, рабочих. Мама была беременна, я маленькая, брат ещё младше. Мы остаёмся полуголодными и плачем. Приехал трактором, наконец-то, немец, увёз и поселил в квартире на первом или втором этаже. Ходили все на работу, кроме беременной мамы и брата. Отец был конюхом, а я с бабушкой ходила собирать картошку большими кошами. Помню эти коши, похожие на выварки. Нам давали карточки, и мама покупала продукты. Одна хорошая полячка пекла пирожки и всегда ими угощала. Мама в 1945 году родила брата Степана, и эта женщина принесла гостинец. Приходилось оставлять новорождённого на бабушку и идти работать.

Была я рослой, ёмкой (быстрой) несмотря на то, что мне было 9 лет. Уже не помню название этого немецкого города, но он расположен где-то за Одером. Недалеко стоял фронт, даже были слышны выстрелы. Потом пришли русские войска нас освобождать.

Сражение было жестоким и хозяин спрятал нас в подвале. Сидели мы долго. Что мы ели, как мы были – уже не помню. Отца забрали сразу на фронт и вернулся он искалеченным.

Как только всё стихло, мы собрались домой. Один русский мужчина пошёл на ферму, взял лошадь с телегой, мы погрузились и поехали. Ехали долго, потом по дороге у нас забрали коня, поселили в лагере, через некоторое время отправили на площадку ждать поезд. И вот поездом добрались мы на белорусскую землю.

Приехали домой, а ничего нет, только хатка осталась. Но, слава Богу, помогли соседи: дали зерна, хлеба, сало. И так мы жили. Мама продавала одежду (немецкую) на базаре, чтобы купить еды. Отца ранило – была перебита нога, хотели ампутировать, а он наотрез отказался. Ходил на костылях. Купили корову, он ещё ходил, бедный, с той ногой сено косить через речку. Опирался на косу, и мы помогали ему. Потом лодкой возили это сено. Дырки (охапки сена) носили на плечах. Умер папа в 1981 году, когда внучке Татьяне был один месяц.

Ходила в школу после войны, закончила 4 класса. Стала пионеркой. Вечером иногда на улице выступали музыканты, собиралось всё село, пели и танцевали. Наша жизнь была веселее, хоть и трудной.

Король Мария Александровна

Я вышивала, ткала, шила, и тем самым зарабатывала деньги. Даже работы до сих пор остались. Работала с отцом, научилась делать и женскую, и мужскую работу: пахать, косить. Помогала своему отцу, пока братья были маленькими, и маме в колхозе. Сама работала семь лет конюхом на ветстанции, где главным врачом была Колтунова. Перед пенсией работала в колхозе, зимой подрабатывала дояркой.

Вышла замуж в 19 лет за Короля Семёна Фёдоровича из деревни Ячковичи. Познакомились в деревне на вечерках, сыграли свадьбу, повенчались, мало кто тогда венчался, а мы решились. Он был шустрым работником, рукастым, бережливым. Мы сами построили дом, конечно, немного нам помог отец. Для того чтобы сделать крышу и окна, нанимали людей. Муж работал в колхозе, ездил на целину зарабатывать деньги на строительство дома. У нас две дочери: Анна, 1956 года рождения, и Светлана, 1968 года рождения, и сын Василий, 1959 года рождения. Много правнуков.

«Это была красивая пара! Мария Александровна пела вместе с мужем, и, если они приходили на свадьбу, то свадьба состоялась» - рассказывает волонтер Ольга Ивановна Гороховская.

Да, я пела, а муж мой ещё и красивее пел. Заедем в деревню Петровичи, где жила родня мужа, споем от души. Однажды наши голоса записали на магнитофон. Иногда вспоминаю все наши песни и могу ночью спеть.

Любимый муж умер в 2005 году от болезни сердца. Сейчас за мной присматривает моя дочь.

Воспоминания записаны Пернач О.В.

Родилась в деревне Мотоль Ивановского района в мае 1927 года. До войны было хорошо! Выходили часто с соседями «на лавочку». Ходила в польскую школу два года, но из-за болезни была освобождена от учебных занятий. Учитель «Кондзеля» был единственным педагогом в этой школе, был добрым. На уроке пения играл на скрипке. Перед уроками была обязательная молитва. По имени и отчеству учителей не называли, а только «пани» или «пан». Ходили сюда и трое евреев, несмотря на то, что у них была своя школа. Немецкий язык не выучила, хоть и обещали, что откроют нам школу в маёнтке. В белорусской школе историю учила Ольга Назаровна, тоже хороший человек.

Новая школа была построена на сегодняшнего месте музея ещё при Польше, а старая (школьный двор и дом директора) – недалеко от церкви. А дальше размещался еврейский дом, в котором организовали несколько учебных классов, потому что не хватало места. Евреев до войны жило в Мотоле много, они были очень пробивные, предприимчивые. Пусть бы их оставили хотя бы как работников! Зачем же так с ними поступили?! Еврейские женщины были хорошими хозяйками, умели красиво вязать, часто их можно было видеть гуляющими по улице вечером. А мужчины строили дома, через каждые два-три дома – кузница. И кожухи шили, и свитки шили. Привозили всякие товары, еврейских магазинов было много – через дом или два.

В Германию нашу семью увезли в 1943 году после расстрела евреев. Вся улица Ленина и площадь – еврейские дома. Согнали женщин с детьми и мужчин отдельно в школу и погнали в сторону деревни Осовница.

Мы жили на улице Володарского, мне тогда было 16 лет. Было очень страшно. Люди рассказывали, что в школе был слышен плач. Мама не отпускала нас из дома, когда

евреев вели на край деревни. Впереди и сзади немцы. Через некоторое время слышим – выстрелы! «Пакают» – стреляют. Это расстреляли женщин и детей, а мужчин заставили закапывать могилы.

В 1943 году окружили Мотоль и никого не выпускали. Угнали нас в Германию 16 июня. По деревне шла машина с громкоговорителем и вещала: «Собирайте свои драгоценные вещи и собирайтесь в Германию!». Подъезжали к каждому двору, собирали людей и отправляли в центр. Кто-то выезжает, кто-то нет – прячется. Отец запряг лошадь, и мы отправились на место сбора. Возле церкви и музея была польская школа, а площадь была большой до реки. Ехали все на возах к школе. На площади стоял стол и проходил приём. Рабочие – Германия; у кого больше детей, меньше рабочих – «нах хауз». Домой отправили немногих. А остальных отвезли к деревне Молодово.

Нас было четверо: отец, мама, я и сестра, 1934 года рождения. Принимали до самого вечера. За рекою, в Тышковичах, были партизаны, часто приходившие сюда, поэтому немцы боялись здесь оставаться на ночь и уехали в деревню Молодово в панский маёнток (имение). Ехали мы на возах, а немцы на лошадях сопровождали позади. Маме моей предложили отправить меня «на болота», но я не решилась оставить свою семью. В деревне Молодово переночевали кое-как, на следующий день завершили приём, а потом дорогой через деревни отправили нас в город Иваново на железнодорожную станцию, где, забрав лошадей, погрузили в вагоны. Пощады не было даже для калек. Плач детей! В закрытом товарном вагоне везли в

город Брест, а там пересадили на поезд в Германию.

Одна женщина спасла себя в Бресте, а дочку ещё раньше, отправив «на болота», а муж уехал в Германию. Она спряталась под вагоном, а потом пешком пришла из Бреста домой.

Были ужасные условия: очень много людей, дети плакали, еда была плохой: хлеб с мякиной, иногда даже со стеклом. В городе Граево остановились – первая баня, в городе Мальхин – вторая. В Граево выгрузили возле большого здания, вышел мужчина и приказал раздеваться: мужчины отдельно, женщины с детьми отдельно. Насыпали опилки в бочки, и они вбивались нам в волосы. Это было настоящая мука! Ставили на табуретку под свет и проверяли. Приехали мы в сборный пункт в городе Варен, область Мекленбург-Передняя Померания, где местные фермеры забирали нужное им количество работников.

Попали в большое хозяйство, похожее на колхоз, с трёхэтажным домом. Здесь проживали: пани, дети, две служанки и повар-женщина и «бригадир» – поляки, переехавшие в Германию двадцать лет назад.

Работали мы в поле каждый день, кроме воскресения. Во время уборки урожая до обеда убрали снопы и молотили зерно. Зимой тоже работали – помогали по хозяйству. Копали картошку вручную, перебирали и сортировали. Там была каменистая земля, поэтому пахали волами. Управляющий с собакой сопровождал на работу и после работы.

Жили в маленькой комнате с двумя окошками, железными кроватями, на которых спали по несколько человек. Рядом жила женщина из Гомеля с тремя детьми. Туалет на улице.

Могли сами готовить на железной плите. Давали нам кош картошки и горох, кастрюльку и маргарин. В субботу – ложка варенья детям. Праздников и угощений не было. Конфет никогда не видели. Иногда помощница давала шкурку сала в суп. Иногда «отгон» (сыворотку молочную), хлеба было мало. Понравилась сестра Анна дочери поварихи, и нам давали булочку хлеба иногда. Этого еле хватало, поэтому отец старался раздобыть немного еды. Денег не давали никаких. В магазине нам ничего не продавали.

Ходили на танцы в польское общежитие. Отец дружил с польскими парнями (военнопленными), которые работали на ферме. Они привозили нам пшеницу. Знали, что отец молотил зерно. Для этого он смастерил самодельное устройство.

Освободили нас в 1945 году, 1 мая. Управляющий хотел тоже уехать в Польшу, но приехало много солдат, так как неподалеку находилась военная часть. Наши солдаты гонялись за девушками, но потом руководство навело порядок. Собирались на поезд, польский управляющий упрашивал отца уехать вместе с нами, но отец отказал и решил ждать семью из Мотоля, работавшую недалеко от нашего хозяйства. Если бы согласились, то он мог бы нам показать короткую дорогу через Польшу. Ждали, съехалось много наших земляков из Ивановского района. Ехали долго, остановили нас наши военные, расселили по комнатам, выделив нам комнатку. Маму назначили поваром, мы ей помогали: чистили картошку, рвали щавель. Жили здесь полгода до декабря 1945 года и занимались уборкой и ремонтом. Начался тиф, и объявили карантин. Медсестра каждый день проверяла температуру и если что – отправляла в город. У одной женщины была настолько высокая температура, что она срывала одежду с себя. Всех отправили домой, а её вместе с ещё одним мужчиной оставили. С нами было около восьми семей из Мотоля.

Привезли нас в город Иваново 4 декабря на перекрёсток (возле аптеки). Шли пешком в деревню в том, что было. Хорошо, что были самодельные кожанки. Мама насушила в дорогу мешок сухарей, а пани дала рабочий костюм.

Приехали ... ни лошади, ни коровы, ни овец, ни воза. Хоть ты землю грызи! Отец сильно болел и умер 2 августа 1947 года в самое трудное время. Жили у тётки, у которой было трое детей, а мужа её забрали на войну. Перезимовали. Думали, где поставить дом, так как особо не давали участок, поэтому со временем нам выделили на месте сгоревшего еврейского дома. На прежнем месте решили жильё не восстанавливать. Дом, в котором я сейчас проживаю, построил отец, правда, без окон и дверей. Стали жить. Десять лет у нас был земляной пол. Родился брат. Больше в школу я не ходила: два года – в польскую, два года – в белорусскую.

Было очень тяжело! Власть и соседи относились к нам враждебно. Всё время проверяли, по какой причине мы уехали. Некоторые упрекали, думая, что мы это сделали охотно. Все вернулись, кого угнали, кроме тех, кто умер на чужбине.

Корову держали, серпом жали и на велосипеде возили сено. Работали сразу в колхозе. Не могли заплатить налог, и мама попросила подобрать работу мне. Пообещали, но долго обещанное слово не сдерживали. Пеня всё время росла, а нам нечем было платить. Вызвали в сельсовет. Председатель предложил работать на почте, где работало две телефонистки, начальник, заместитель и почтальон «на гроши». Научилась работать на коммутаторе и выписывать газеты.

Работала почтальоном за трудовни 4 месяца. В торбочке за работу давали зерно. Ходили в город Пинск за хлебом. Приходили туда ночью, чтобы занять очередь и взять хотя бы одну булочку хлеба. А на второй день идёшь во второй магазин, чтобы там тоже купить булочку хлеба.

Однажды мама оставила мне немного хлеба. Прихожу...окно открыто, а хлеба нет. Слёзы на глазах! Был июнь или июль, и кроме хлеба не было ничего, даже картошка ещё не цвела. Дали соевой муки. Думала, что что-то приготовлю. А кто-то украл и хлеб, и муку. Плачу!

Почтальон «денежный» ушёл в армию, поэтому меня перевели на его место. Ещё год работала почтальоном. Одна телефонистка на радиоузле попросила меня перевестись на её место, где я проработала ещё восемь лет.

Приду на обед и нечего есть. Пока мама принесёт хлеб из Пинска! Не было ни кур, ни свиней. Соседка иногда немного давала нам холодное (холодник). Домой, бывало, придёшь и нечего кушать.

Когда открыли Мотольскую больницу, ушла работать санитаркой. Боялась больницы, но пошла, потому как могла там хотя бы покушать. Здесь работала до пенсии. Главные врачи: Мартынович, Лукашевич, Богданович.

Богато жили те, кто смог сохранить хозяйство и дом во время войны. Бралась за любую работу: то сено гребла, то картошку копала соседям.

Сестра вышла замуж, родила 3 детей и уехала в Ростовскую область. Замуж я не вышла. Брат Михаил тоже не женился. Жили мы в одном доме. Закончил он десять классов, рядом была школа в еврейском доме. Не захотел дальше учиться и ушёл в армию на три года. В армии была вечерняя школа для жён военных, там он закончил одиннадцатый класс на «отлично». Подумал и решил поступать в город Пинск. Помог ему главврач Мартынович. После окончания работал в деревне ветфельдшером на ферме. Очень любил свою работу. Умер в 62 года от рака горла.

Тяжёлая жизнь. Тяжело жизнь в одиночестве. Мама умерла в 1999 году, прожив 93 года.

Воспоминания записаны Пернач О.В.

Родилась я в рабочем посёлке Любохна Дятьковского района Брянской области. Во время фашистской оккупации моя сестра была связной партизанского отряда. В 1943 году её арестовало гестапо. За нами приехала машина, и вскоре вся семья очутилась в товарном вагоне. Сначала сменили несколько лагерей на территории Беларуси. Затем были Польша и германский город Штутгарт.

Все узники концлагеря, а их было великое множество из разных стран работали на авиационном заводе.

Освободили нас незадолго до Дня Победы, в конце апреля. Граждан СССР отправили в «совзоны». Добирались домой, как придётся: где машинами, а где и на открытых железнодорожных платформах. Приехали в посёлок, а дом наш отдан под детский сад местного чугунолитейного завода. Жили у родственников, пока не вернулся с фронта брат. Отдали дом только после его обращения в райисполком. Когда в 1947 году возвратился из ГУЛАГа отец, по совету брата мы переехали на Украину, в город Мелитополь. Папа работал в депо, но в связи с ухудшением подорванного лагерями здоровья по совету друзей-белорусов поменял место жительства на белорусский город Иваново.

Слева – младший брат Виктор, 1938 года рождения, мама Анна Ивановна, 1907 года рождения, отец Владимир Александрович, 1905 года рождения, брат Костя, 1936 года рождения. Германия, д. Фюрсте, 1945 год.

Весной 1942 года к нам в дом пришёл староста Бордзиловский и объявил, что наша семья подлежит депортации в Германию.

- За что такая честь? – спросил отец. – Или забыл, что у меня пятеро детей?

- Не надо было партизанам коня отдавать! – взвизгнул староста и ушёл, хлопнув дверью.

И, правда, все, у кого партизаны забрали коней, были в чёрном списке:

1. Переходько Павел с женой Ганной и маленьким сыном Петром.
2. Крассовский Генё с женой и четырьмя сыновьями.
3. Переходько Микита с женой и дочерью.
4. Сак Мирон с женой и детьми: Любой, Иваном, Володей.
5. Сак Марко с женой Надей и детьми: Олей, Семёном, Маней, Сашей.
6. Деньчук Пётр с женой, двумя сыновьями и дочерью.

Ну, и наша семья: отец, Липский Владимир Александрович, 1905 года рождения, мама Анна, 1907 г.р., сестра Люба, 1928 года рождения, братья: Женя, 1934 года рождения, Костя, 1936 года рождения, Витя, 1938 года рождения, и я, Алексей, 1930 года рождения.

Не знаю, то ли староста назвал день отъезда заранее, то ли накануне жители узнали, когда будут забирать нас, но помню, что когда деревню окружили немцы, то мама на середину комнаты вытащила уже готовые узлы с пожитками и строго приказала нам никуда не отлучаться и держаться вместе. Мы сидели по лавкам, не шалили и с тревогой поглядывали на дверь. Отец куда-то ушёл. И тут мы услышали гул машины и громкий женский голос из громкоговорителя, который зазывал собираться и ехать в Германию. Мы бросились к окнам. Машина (будка такая с рупором) ехала медленно, а женский голос по-русски обещал райскую жизнь в Германии. Отца долго не было. В деревне стоял шум-гам. Бабы голосили. Мама пересчитывала детские рукавицы, спешно запихивала их в узел.

Пришли дед Александр с бабушкой Юлей. Начали прощаться. Прощались навсегда... Все плакали. Вернулся отец и сказал, что пора грузиться.

Во дворе стояла наша запряжённая кобыла. Погрузились, расселись.

Отец сказал, что нужно ехать в деревню Кротово, где был сборный пункт и проходила узкоколейная железная дорога. Народу собралось много. Плакать не разрешали и могли тут же прикладом по спине «утешить» жалостливых.

Люба увидела, что знакомую девушку из деревни Полкотичи наголо постригли, и заплакала, потому как волосы у неё были на загляденье: чёрные, блестящие, две косы как змеи извивались по спине почти до колен. Но нет, это было не в Кротове, а, наверно, в Польше. Немецкие солдаты в восхищении подходили и трогали её косу, фотографировали. Женщина в военной форме посмотрела наши головы и никого не стали стричь.

Германия, д. Фюрсте, 1945 год.

Липский Алексей Владимирович

8 мая 2015 года. Липский А.В. с дочерью Ниной. д. Полкотичи.

Мы держались вместе, боялись разомкнуть руки. Помню, как мой средний брат Костя дрожал как листок осиновый. Я хотел высвободить свою руку, чтобы его погладить по голове, но он крепко-накрепко держал мою ладонь и дрожал. В глазах у него стоял дикий ужас.

У нас с собой были кое-какие пожитки. Ничего не забрали. Проверили и разрешили грузиться. Залезли мы в грузовые вагоны и поехали. Духота! За всю дорогу пару раз останавливались. Однажды остановились и всех выгнали из вагонов. Осмотрелись. Вдали виднелся город какой-то, а рядом яма-ров огромный. Бабы в голос! Смертушка пришла! Оказалось, выгрузили за городом, чтоб в этой яме оправиться.

Попали мы к немцу-хозяину, звали которого Зиндрам в деревне Фюрсте. Рядом был небольшой городок Остэрроде. Сестра хозяина жила в трёх километрах от нашей деревни в деревне Юрда. Там работали на хозяйстве наши земляки из деревни Полкотичи – Клыгун Андрей с женой и двумя дочерьми, а также семья Переходько Павла из деревни Скорятичи.

В нашей деревне работали молодые парни и девчата из России, из Орловщины, итальянцы и поляки. Очень красивая итальянка по имени Эля очень хорошо говорила по-русски, шутила и постоянно меня смущала предложением женитьбы.

Жилось нам худо. Работали от зари до зари. Еда была скудная. Выдавали только взрослым. А нас пятеро детей. Потом оказалось, что хозяин нас обворовывал. Мама ночью брала самого младшего Витю и уходила. Мы знали, что они шли воровать картошку из подвала. Там было окошко совсем крохотное, узкое. А Витя был совсем маленьким и худеньким. Мама держала его за руку, а он осторожно спускался в низ, к картошке. Набирал её и подавал в кепке. Можно представить как им и нам было страшно. За такие действия полагалась смерть. Но голод подавлял страх. У родителей, особенно у мамы от голода распухли ноги, и она не могла обуть деревянные «шлёпки» – башмаки. Работали без выходных. Даже детям выделялись грядки для прополки.

Наш хозяин и его зять были эсесовцами. Мы об этом узнали потом, когда пришли американцы. Под левой рукой у них были наколки. Американцы забрали их в первый же день. Больше мы их не видели.

К моей маме приходила поговорить одна пожилая немка Анна. Она приносила нам всякую одежду, что осталась от её сыновей, воевавших где-то в России. Она плакала, горевала и говорила, давая нам еду, что может там, в далёкой России, её сыновей кто-нибудь пожалеет. На всех четырёх получила похоронки и была не в себе от горя. Мне было её очень жаль.

Я работал в поле на тракторе прицепщиком в паре с немцем Августом средних лет. Он был антифашистом. Жалел меня, давал возможность отдохнуть и под секретом делился новостями с фронта.

Витя, мой младший брат, полностью разговаривал по-немецки. Играл с такими же немецкими малышами. А вот немцы постарше, подростки, с нами не общались, а старались нас обидеть,

8 мая 2015 года. Липский А.В. д. Полкотичи.

Германия, д. Фюрсте, 1945 год.
Слева – брат Женя, 1934 года рождения, в центре – Алексей, справа – друг Петька из Орловской области.

Долго сидел среди наших людей, разговаривал. Он из бывших русских дворян, живёт в Америке. Он начал часто навещаться в нашу семью. Однажды привёз много тушёнки, хлеба, муки и имел очень серьёзный разговор с родителями. Оказывается, он был бездетным и хотел меня усыновить. Я, конечно, заволновался, даже испугался. А вдруг родители захотят меня отдать? А он взялся решать этот вопрос серьёзно, даже жену вызвал на смотрины. Долго они уговаривали родителей, говорили, что я ни в чём не буду нуждаться. Ни я, ни родители не соглашались. Тогда жена сказала: «Пусть вся семья едет в Америку. Никого не обидим. Мы состоятельные и сумеем обеспечить всех, только Алёшу разрешите усыновить».

Отец как бы призадумался. У меня аж сердце заколотилось как у того воробья. И тут моя сестра Люба подбежала к отцу, обхватила его руками: «Ой, таточка! Вызы нас на наш выгон! Нащо нам тая Амэрыка!»

«И, правда, нащо нам тая Амэрыка! Поидэмо, дитки, до своей хатки!» – сказал отец и на этом переговоры с американцами закончились.

Вскоре нас на американских машинах отвезли на советскую сторону. А там – лагерь, колючая проволока, солдаты, охрана, собаки. Кормить стали баландой вонючей. Обзывали подсобниками фашистскими. Боже мой! Что там творилось! Вонь, грязь, вши! Отец вырыл небольшую землянку для своей семьи. А в общей землянке тиф начался. Людей вымерло – свет! Нас Бог миловал! Долго мы в этом лагере не были. После «филтрации» НКВД дал разрешение на выезд домой. Можно было добираться, как говорится, «своим ходом», не ожидая организованного выезда.

Возвращались мы домой вместе с семьёй Шульгана Григория из деревни Полкотичи. Приехали сяк-так в город Пинск. Отец сразу на рынок пошёл, где встретил знакомого из деревни Новосёлки и упросил его довезти нас подводой до нашей

Германия, д. Фюрсте, 1945 год. Справа – сестра Люба, 1928 года рождения. Слева – Оля из д. Полкотичи.

деревни, правда, за плату. Отец отдал ему будильник. Погрузили вещи на воз, а сами шли рядом. Усталость не чувствовали. Ноги несли домой поздней осенью 1945 года!

В деревне зашли в дом к дедушке Александру, тот дал нам буханку хлеба и мы пошли в свой дом.

Зашли... Пусто! Голо! Холодно! Растопили печку, согрелись, поужинали хлебом и уснули почти счастливыми. А что! Мы дома. Мы все живы и здоровы! Разве это не счастье – вернуться с чужбины домой?!

Наутро пошли осматривать хозяйство. Ничего и никого нет! Корова в Кротове – подсказали соседи. Коня партизаны не вернули. Свиной, кур, гусей немцы с роднёй поели. Ничего! Как-то будем! Отец мастеровой был. Стал людям дома строить. Иногда на свадьбах играли: он на скрипке, а я на гармошке. А гармошки-то мы две привезли из Германии. Одна была как куколка красивая! Золотистая. Венского строя. Её-то мы и продали, а на вырученные деньги коня купили.

Когда мы вернулись с чужбины, то из рассказов односельчан узнали, что и тут, в деревнях, ох как не сладко людям было. От соседа своего, Кости Слесарчука, я услышал страшную историю. Он мне рассказал, что на хутор Лядыны, который находился в лесу и где жило примерно около десятка семей, постоянно по ночам партизаны наведывались. Пекли хлеб, гнали самогон. Самогон нужен был для обработки ран. Ну и пить, конечно, тоже. Немцы об этом знали. И однажды понаехали, окружили хутор и начали учинять расправу. Стреляли людей, а кого заживо сожгли в домах и сараях. Всего погибло девять человек. Среди них была хорошо мне знакомая женщина Евдокия, дочка деда Антона, что жил у «крыжовой» дороги. Я с мамой ходил к ним зерно молотить. Замужем она была за Олиферчуком из Полкотич. Так вот, двое, совсем крохотных, детишек её, убили и в огонь бросили, а её, беременную, тоже убили, но зачем-то привезли на подводе в деревню. Староста созывал людей, чтобы собрались на «крыжовой» дороге, но никто не пошёл – все боялись и попрятались кто где. Не вышли и родители Евдокии. А она, рассказывал Костя, лежала на подводе как гора и вызывала ужас у мальчиков, что околачивались рядом. Два немца в автоматом стояли, курили и посматривали на мальцов. Что хотели эти звери? Зачем они её привезли в деревню? Может ждали, что родители заберут её, чтоб похоронить, или «шнапса» за

этот «благородный» поступок? Бог их ведает! Стояли недолго. А потом развернули повозку и поехали в сторону Полкотич. Там их встретил староста, забрал повозку и опять привёз женщину в Скорятичи к родителям.

Помню, он ещё рассказывал, что Тодора Онищука, тоже жителя Лядын, схватили и заперли в хлеву. Подождли и он сгорел заживо. А вот жена его, Юстына, спаслась. Она спряталась в лесу, под огромным выворотнем. Когда шёл цепью карательный отряд, один из немцев заметил её, но не стал убивать, прошёл мимо. Заживо сгорел и Нелюбович Фёдор Филиппович. Он спрятался на чердаке собственного дома. Немцы заколотили все двери и окна и подождли. А вот семья его спаслась, слава Богу! А дедушку Прокопа (ему было уже за 70) сначала застрелили, а потом затащили в дом и подождли. Потом родня его косточки собрала и похоронила. Я уже не помню всех по фамилии, кто погиб там, на хуторе Лядыны, хотя Костя мне и называл. Конечно же, многих я знал, так как бывал с отцом там перед войной. Да в скверике на обелиске, по-моему, их имена вписаны. Дай, Бог, детки, чтоб ни Вы, ни ваши внуки-правнуки войны не знали!

Со слов Липского А.В. записала Липская Н.А., жительница д. Полкотичи

Медсестра физиотерапевтического кабинета.

Родители Л.В. Маркевич

моим самым любимым.

Болезни пережили, а вот жилья у нас не было почти год. Пока мы были в Озаричах, дома нашей и соседней деревни были разобраны на блиндажи, вражеские укрепления. Тут, в одном из блиндажей, мы и жили, даже сделали печку. К счастью, с войны вернулся отец, и жизнь стала совсем другой».

«Родом я из местечка Тихиничи, что в Рогачевском районе Гомельской области. Места наши партизанские. Весной 1944 года всех жителей нашей деревни вместе с жителями соседних деревень собрали и большой толпой погнали в один из концлагерей. Этот комплекс начали строить и сразу же «заселять» ещё в апреле 1943 года. Вместе со всеми, успев взять с собой небольшие «кунки» с одеждой и хлебом, мешая грязь ногами, шла и наша семья Хроменковых (Храменковых): мать и шестеро детей. Отец в это время был на фронте. Самой старшей сестре было шестнадцать лет, а самому младшему, единственному мальчику, - всего два года.

Мне, Любочке Хроменковой (Храменковой), накануне исполнилось только шесть лет. Но то, что пришлось пережить вместе с семьёй и всеми теми, кто оказался за колючей проволокой, чёрным цветом стоит перед моими глазами всю жизнь.

Я помню страшный холод, ноги всё время были мокрыми. А ещё бесконечно длинная колючая проволока, за которой было собрано очень много людей. Не было видно, где начиналась и где заканчивалась эта ограда. В память врезалась смерть братика: мама плакала, прижимая к себе холодное тельце, а вместе с ней плакали и мы.

Хорошо помню и момент освобождения. Когда люди бросились к перерезанной проволоке, а мужчины в военном кричали: «Назад! Назад! Там заминировано!» К этой грустной истории можно добавить только следующее: 18-19 марта 1944 года воинами 19 корпуса 65-й армии было освобождено детей до 13-летнего возраста – 15960, нетрудоспособных женщин – 13072 и пожилых людей – 4448 человек.

А потом бесконечно долгая дорога домой – сил добираться не было, все были ослабленными и больными. Мама рассказывала, что потом я заболела скарлатиной, сёстры – тифом, а саму маму еле спасли от дизентерии в больнице. А для меня даже приготовили красивое в цветочек платьице, чтобы надеть на тот свет. Кстати, оно позже стало

Сергею Николаевичу
Вину
= акушерки Люб. В.
25/11-60 год.

Маркевич Любовь Владимировна

С сёстрами. Май 2017 г.

5 сестёр, все были в Озаричах.

11 апреля 1962 года, когда роскошно цвела весна и всё вокруг купалось в нежной зелени, Любовь Владимировна вышла замуж за Сергея Николаевича Маркевича, уроженца Ивановского района. Сыграли студенческую свадьбу. В этом же году переехали на родину Сергея.

История их встречи очень красивая и романтическая. В 1959 году Сергей Николаевич был направлен на учёбу в Могилёвскую советско-партийную школу при ЦК КПБ. В это же время Любовь Владимировна обучалась в Могилёвском медучилище на акушерском отделении. Девушка обладала организаторскими способностями, была в эпицентре всех молодёжных дел. Сергей также был активным парнем. Так и встретились молодые люди, чтобы никогда не расставаться. Любовь пришла к обоим в одно время, один миг.

Познакомились они на волейбольной площадке, которая находилась за окнами медучилища. Однажды заведя из окна чернявого спортивного красавца, Люба сразу же влюбилась. В свою очередь, Сергей, заприщипав красивую, с длинными русыми волосами девушку, решил во что бы то ни стало завоевать её сердце. И это у него получилось.

Свекровь (отец Маркевича погиб во время войны); полюбила невестку, всегда сглаживала отношения между членами семьи. Любовь же старалась быть приветливой со всеми, хоть по характеру была норовистой, задиристой. Между снохой и свекровью установилась женская солидарность.

В деревне молодая пара жила с 1962 по 1974 год. Сергей руководил колхозом «Путь Ленина», Любовь была акушеркой Ляховичского ФАПа.

В 1974 году семья Маркевичей переехала в город Иваново. Сергей Николаевич

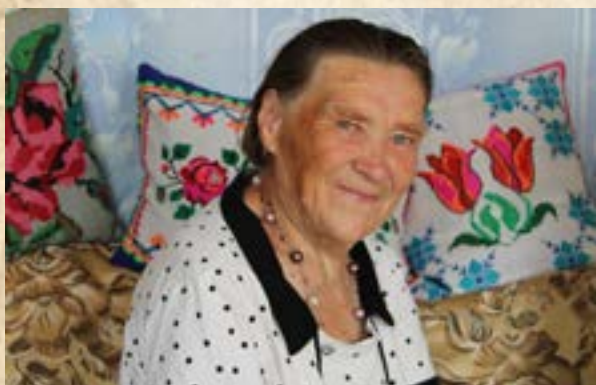
трудился на ответственных государственных должностях. Любовь Владимировна до ухода на пенсию работала медсестрой физиотерапевтического отделения.

За все совместно прожитые годы они никогда не расставались (разве что когда Любовь находилась в роддоме). Их тропинки тесно переплелись, сойдясь в один широкий путь.

Сергей Николаевич после ухода на пенсию ещё на протяжении многих лет возглавлял районную ветеранскую организацию. А в восемьдесят лет и он ушёл на заслуженный отдых.

С мужем. Июнь 2004 г.

Мария Климовна – настоящая легенда своей деревни. Она певунья, обладательница звонкого высокого голоса, мастерица, поэтесса, оптимистка, хозяйка. «Добрые мы, потому что видели беду. Кто беду не видел, тот завистливый (завыдны)» - считает жительница деревни Тышковичи.

Родом я из деревни Мотоль Ивановского района. Детство моё было тяжёлым. Во время войны мою деревню захватили немцы, и их было много. А вот в деревне Тышковичи захватчиков было гораздо меньше, возможно, из-за отсутствия моста через реку. Мне было всего два года, когда всю нашу семью: отца, Клима Петровича Миховича, мать, Анастасию Иосифовну, дедушку, бабушку, меня и сестру Анну, она была старше на пять лет, забрали в Германию в город Варенбург (возможно Варденбург). Нас определили в хозяйство фермера (бауэра) в качестве бесплатной рабочей силы.

Жизнь на чужбине не была радостной: жили в пристройке, нас, конечно, кормили, но не сильно. Работали много и мне иногда казалось, что я даже маму могу забыть. Когда солнце всходило, она шла на работу, когда оно садилось, она была ещё на работе, а я уже спала. Бабушку не трогали и оставили присматривать за мной.

Помню возвращение из Германии. Много немецких солдат, а я маленькая, красивенькая, кругленькая бегала возле них. Многие брали меня на руки. И один солдат даже подарил мне губную гармошку на память. Но маме пришлось обменять её на хлеб, который она поделила между мной и сестрой. Конечно, очень жаль мне ту гармошку, но что поделаешь.

Приехали обратно, а дома нет – сгорел, как и дома соседей по нашей улице. Где жить? Где быть? В Германии хотя бы немного еды было, а домой вернулись на пепелище. Нас приютил мамин брат. Так и жили две семьи под одной крышей. Жили средне, без особого достатка. Дядя пришёл с фронта ослабленным, мама занималась домашним хозяйством, а отец – на местных подработках. Со временем разжились понемногу. После возвращения у наших родителей родились ещё две девочки. Всего было нас четыре сестры: я, Мария; Анна, уехала в город Липецк; Ульяна, уехала в город Рязань; Люба, уехала в город Малорита.

Дерево для строительства дома отец заработал в Ивацевичах, потому что работал в лесхозе. Потом брёвна сплавили по реке к нашей деревне, распилили вручную и построили сруб дома. Многим людям отец помогал бесплатно в надежде, что они придут к нам на помощь.

Училась в Мотольской школе, где в одном классе были дети разных возрастов. Любила уроки немецкого языка, и кое-что по-немецки помню. Была активисткой, одним из членов редколлегии. Закончила 7 классов в 1957 году.

С детства люблю петь:

«А роки летят, а роки летят!

Их даже на крыльях не можно догнать!»

Онисковец Мария Климовна

А сейчас спою «Первую любовь», посвящается и мужчинам, и женщинам.

«Эх, первая любовь, первая любовь!

Ох, как волнуется в груди кровь!»

Про первую любовь пропели... С будущим мужем, Степаном Николаевичем, познакомились на свадьбе. Он был спокойным, умел очень красиво играть. Приезжал часто на велосипеде ко мне на свидание вечером. Поженились и переехали мы в деревню Тышковичи, где построили свой дом. В нашей семье родилось четверо детей: два сына Анатолий и Геннадий, проживающие в городе Санкт-Петербург; дочь Алла – в деревне Мотоль; дочь Люся – в городе Брест.

Мой муж был киномехаником, а я его помощником. Он ездил по деревням показывать кино (Осовница, Бусса), а я уже оставалась дома, здесь было стационарное кино. Так проработала девятнадцать лет. Со временем людей стало ходить мало, планы не выполнялись, поэтому ушла в полеводство в колхоз. За детьми присматривала свекровь. И мои, и родители мужа нам помогали.

Когда была незамужней, ходила на вечерки, а вышла замуж, то перестала. Образовала я местный ансамбль. Получилось как-то само собой! На крестинах у родственников мы начали петь, играть на разных предметах: кто-то стучал ложками, кто-то ударял по чемодану, кто-то звенел стаканами. Муж посмотрел на всё и говорит: «Маня, у нас ничего такого в округе нет. Вот, чтобы создать ансамбль, было бы хорошо». Так и собрали ансамбль «Находка», в который приглашали активных, артистичных, смелых. Впервые выступили на Новый год в 1975 году. Потом о нас узнали в Мотоле, стали приглашать.

Поехали в город Брест. Таких фольклорных ансамблей в нашем районе не было. Мы выступали и в Германии, и в Москве. У нас остались даже костюмы. И так сорок лет я пела в нашем ансамбле.

Муж умер в возрасте 55 лет. Однажды во время учёбы в городе Пинске он спас девушку, прыгнув в холодную воду. Это отразилось на его лёгких. Сейчас проживаю одна, но частыми гостями у меня бывают дети, внуки и правнуки, моя подруга-волонтёр Зинаида Игнатьевна и социальная служба.

Воспоминания записаны Пернач О.В.

Семья Онищук из д. Полкотичи. Слева направо – Тоня, мама Юля, отец Фома, Виталий. Германия, д. Ведельгайне, 1944 год.

Онищук Виталий Фомич, 1932 г.р., и Лысюк (Онищук) Антонина Фоминична, 1934 г.р., уроженцы д. Полкотичи. Ныне проживают в г. Пинск.

Отец наш, Фома Сазонович, родился на хуторе Лядыны. После женитьбы стал проживать в деревне Полкотичи. На хуторе остались дедушка Сазон и бабушка Евдокия. Слава Богу, они остались живы, когда на хутор нагрянул карательный отряд, и успели убежать далеко в лес. А вот соседи погибли: кого-то заживо сожгли в доме, кого-то застрелили. Это Нелюбович Фёдор, Онищук Прокоп, Олиферчук Томаш и его беременная жена Евдокия с двумя детьми. Мужчин сожгли, а Евдокию с детками застрелили и зачем-то их тела возили по деревне. После оставили в центре деревни, и только тогда её родители смогли забрать и похоронить дочь и внуков на кладбище в деревне Закутье. А родственники Фёдора собрали его косточки и похоронили на кладбище в деревне Полкотичи. От воспоминаний плакать хочется!

Выслали нас в Германию весной 1942 года на «Мыколу». Молодёжь отправили намного раньше, а семейных – в это время. По деревне, помним, шла машина с громкоговорителем. На своих подводах ехали в деревню Кротово для прохождения медицинской комиссии. Трудоспособным жителям выдали синюю карту, а нетрудоспособные получали красную и отправлялись домой. Но их было мало.

Погрузили нас в вагоны и по узкоколейке привезли в город Иваново. По дороге нашим двоюродным сёстрам Марии и Ольге Онищук удалось сбежать. Они были не одни, и мы это поняли по раздававшимся выстрелам. Дальше приехали в город Брест, а потом в Польшу, где нас определили в лагерь. Жили в нём недели две в самых ужасных условиях: кормили бурдой, вонючей брюквой, жили за колючей проволокой в бараках. Охрана, собаки...

Однажды повели в баню. У кого нашли вши – постригли наголо, даже женщин и девочек. Затем опять погрузили в вагоны и отправили в Германию. Завезли в район Кадээфштадт и начали сортировать.

Приехали хозяйка и начали выбирать себе работников. К нам подошла девушка лет двадцати Эльга Кэстэль. Погрузились на тракторный прицеп, и она нас отвезла в деревню Ведельгайне. Её отец, Эрих Кэстэль, был самым богатым бауэром в округе и имел 300 моргов земли. Помимо Эльги у него был сын – Ганс Эрих Кэстэль, воевавший на Восточном фронте.

Ганс приходил однажды зимой в отпуск домой, даже возил Тоню на санках. Семья Кэстэль относилась к нам хорошо. Отец работал на волах, мама – в поле. Тоня была за няньку у поль-

Онищук Виталий Фомич и Лысюк Антонина Фоминична

Германия, д. Ведельгайне. Общаемся с местными жителями.

Германия, д. Ведельгайне. Общаемся с местными жителями.

ки. Виталий помогал по дому, во дворе. Через две недели после приезда Тоня опрокинула флягу с кипятком и очень сильно обожглась. Хозяева отвезли её в больницу в двадцати километрах от их дома. Девочка очень страдала, так как раны гноились.

Помню бомбёжку. Все из палаты убежали, а меня оставили. Но потом какой-то поляк укутал меня в одеяло и вынес в бомбоубежище.

Целое лето провела в больнице. Мама навещала и приносила еду. Санитарами работали русские и они жалели меня, часто подкармливали. Выписали только в начале осени.

В Германии мы прожили два года. Освобождали нас американцы. Через деревню проходил канал, по которому плавала баржа с углём. Местные жители уголь воровали, и американские солдаты приняли их за военных и открыли огонь. Были раненые и убитые. Мальчишки побежали смотреть. Пули свистали рядом. А мы, дети, не думали, что нас могут убить. Через несколько дней объявили, чтобы мы собирались домой. Хозяева отдали Тоне мальчишковое пальтишко, в нём она и в школу пошла, и подарили чашечку с блюдцем на память.

Американцы погрузили нас на машины и определили в лагерь, где мы были недели две. Затем передали нас в русский лагерь, где мы забедовали. Блохи заедали, кормили очень плохо. Отца из лагеря призвали в Советскую армию. Их часть занималась заготовкой продуктов. Он косил косилкой рожь. Напоролась лошадь на мину. Осколками отца ранило в ногу и он попал в госпиталь в 1945 году, а нас отправили домой. Мы приехали на Девятуху (начало лета) без него. Он комиссовался поздней осенью 1945 года.

А вот в мае 2016 года мы побывали в Германии как бывшие узники. Поездку нам организовали наши сыновья Антонины Дмитрий и Анатолий: оформили все документы и отвезли нас в то самое место, где мы были в военное время.

Всё помнилось. Все закоулки, река, канал, дворы – всё знакомо. Сразу нашли дом хозяина. Встретили нас три огромные собаки, они не пустили нас во двор. Внук Эльги сослался на то, что она болеет. Контакта не произошло. Мы спросили о судьбе Ганса. С фронта он вернулся живым. Умер в 2007 году, его отец раньше – в 1972 году. Сходили на кладбище, где нашли могилу Корончука Ивана, уроженца деревни Малый Скнит возле Шепетовки.

Ну, а хозяйский двор... Посмотрели мы... Запущен. Ни цветов, ни клумб. Забор упал, лишь фундамент стоит. И могилки неухоженные хозяина и его сына. А сама деревня красивая – вся в цветах! Всё аккуратно.

Из поездки мы вернулись удовлетворённые. Потому что как бы то ни было – это наша жизнь. Мы были детьми. У нас было всё впереди. И прожили мы хорошую, достойную жизнь!

Записала Липская Н.А., жительница д. Полкотичи.

Воспоминания малолетней узницы Самуйлич (Клыгун) Таисии Андреевны 21.09.1935 г.р. Инвалид 2 группы. д. Полкотичи.

Самуйлич Таисия Андреевна – женщина, испытавшая в жизни очень много лишений и тягот. В двухлетнем возрасте она осталась без матери. Кроме сиротства ещё познала в детстве долю малолетнего узника.

22 мая 1943 года семилетняя Таисия вместе с отцом, мачехой и младшей сестрой Олей были вывезены в Германию. Сестра Оля была двумя годами старше и из-за болезни осталась инвалидом детства.

Прибыв в Германию, семья попала в хозяйство бауэра в деревне Юрда, район Остерода, ближайший крупный город Ганновер. Отец вскоре заболел и не мог работать в полеводстве, поэтому стал заниматься плетением домашней утвари из соломы. Мачеха ухаживала за коровами.

В маленькой комнатухе барака ютились две семьи. С ними проживала семья односельчанина Переходько Павла. Условия проживания были ужасными: спали на двухъярусных нарах, кормили скудно. Еда готовилась по очереди самими узниками на всех. Детям паёк не был предусмотрен и выдавался только взрослым. Голодали. Таисия тайком пробиралась на ферму и, если не было поблизости немцев, отхлёбывала из бидона молока. За малейшие нарушения заведённого порядка следовали наказания. Даже упавшие с деревьев фрукты узники не имели права поднять и съесть.

Чтобы как-то заработать на еду и какую-то одежонку, девочке приходилось выполнять тяжёлую для ребёнка работу: таскать снопы к молотилке, собирать картофель после «копалки». Поощрением был бутерброд с тонким слоем варенья.

Таисия Андреевна вспоминает о сильных бомбёжках американскими самолётами, из-за которых приходилось часто прятаться в подвалах. Затем освобождение и нелёгкий путь на Родину. Питались в это время «подножным кормом» – грибами, яблоками и ягодами. Её семья вернулась домой только в ноябре 1945 года.

По возвращению домой Тася закончила только четыре класса. Учиться дальше не разрешила мачеха. Она отправляла девочку в колхоз зарабатывать деньги: трепать лён, заниматься полевыми работами.

Самуйлич (Клыгун) Таисия Андреевна

В 18 лет Таисия, послушавшись мачеху, расписалась с хорошим парнем. Хотя мачеха прочла ей в мужа более зажиточного и гораздо старшего за неё мужчину.

Со временем молодые построили дом, родили четверых детей. Муж работал в магазине в деревне Полкотичи. Жена после полевых работ помогала ему – убирала. Имея «за спиной» 4 класса она научилась считать на счётах.

Муж ушёл из жизни рано – в 40 лет. Таисии Андреевне пришлось самой «поднимать» младших детей, давать образование всем детям. В 1976 году трагически погиб один из сыновей. Горе не сломило женщину. Пришлось держать большое хозяйство и одновременно работать продавцом в своей деревне. 56 лет вдовствует, посвятив всю жизнь детям. Дождалась внуков и правнуков.

Теперь у неё достаток, но, увы, не достаёт здоровья.

Записано со слов Самуйлич Т.А. волонтером Демчило Л.А.

Родился я 15 февраля 1941 года в деревне Яечковичи Ивановского района. Когда мне было два года, фашисты увезли нас с мамой и дедушкой в Германию. Это был 1944 год. Отец был в это время в плену в городе Бресте, так как с первых дней там воевал. Я был единственным ребёнком в семье на тот момент. Мама была совсем ещё молодой – родилась в 1922 году. Она рассказывала, что я любил шkodничать в детстве. А фашисты жили рядом и однажды схватили меня за ноги, хотели бросить в колодец. Услышав мой крик, мама прибежала и спасла меня.

Попали мы в польский город Лодзь, на границе с Германией, в немецкую семью бауэра (фермера). Мама и дедушка помогали по хозяйству. В целом, семнадцать семей вывезли из деревни Яечковичи в Германию. Выгоняли всё село, но самые смелые прятались в лесу. В деревне Потаповичи был партизанский отряд, в который уходило много местных.

Родные вспоминали возвращение домой: за нами приехали и увезли до станции, где мы прошли таможенный контроль. Отец вернулся в 1945 или даже в 1946 году. В основном, вернулись все семьи односельчан.

По возвращению домой мы обнаружили, что наш дом не сохранился – его разобрали, перевезли в деревню Молотковичи и организовали в нём гараж для пожарной службы. Ничего не вернули, не захотели и даже не выдали никакой компенсации. Сохранился за нами только участок земли. Дали куб леса и пришлось строить самостоятельно. Помогали нам братья моего отца, у него их было трое и сестра.

Послевоенное время было нелёгким не только для нас, но и для всех наших людей. Были и бандиты, даже из местных. Грабили магазины и бедное население, хотя особо ничем поживиться здесь они не могли. Их раскрыли и наказали.

Родители ушли полеводцами в колхоз, но иногда им приходилось выполнять разные виды работ по поручению руководства. Со временем наша семья стала больше – у меня появились сёстры: Нина, 1946 года рождения, Зоя, 1953 года рождения, Мария, 1958 года рождения. А я начал обучение в местной школе, которая в первое время размещалась в доме Адама Кузьмича.

Осенью 1948 года в деревне случился большой пожар из-за детской шалости. Многие односельчане даже не успели обжиться в новых домах, как пришлось заново строить своё новое жильё. Вся улица Пионерская сгорела, школа и наш дом в том числе. Спасти сразу не успели – все были в поле на уборке урожая. Приехала пожарная служба, но повсеместно взрывались найденные и спрятанные местной детворой снаряды.

Закончил я семь классов школы: начальная школа была в деревне Яечковичи, а семилетка – в деревне Евлаши. Учился как все, особо не хулиганил. С друзьями мастерили рогатки и гонялись за цаплями. Со мной в школу ходило около пятнадцати человек.

После школы работал немного с геологами, они у нас на огороде бурили скважину. Учился в Пинском училище механикации, окончив которое уехал добровольцем на целину в посёлок Володарское Павлодарской области и прожил там около 40 лет. Пшеницу косил, был передовиком и даже попал на Доску почёта. Служил в армии в Семипалатинске шофёром.

Женился на уроженке Литвы – Станиславе Мартыновне, с которой познакомился, будучи в командировке в Казахстане. Понравились друг другу, поженились. В браке у нас родились сын Сергей, ныне проживающий в Германии, и дочь Оксана, проживает недалеко от нас.

После развала СССР вернулся на родину и работал в колхозе пастухом, животноводом и ушёл на пенсию.

Воспоминания записаны Пернач О.В.

До войны мы жили в красивой деревне Овзичи, что на берегу Днепровско-Бугского канала. Многие односельчане ушли тогда в партизанские отряды, многие были связными. Фашисты выместили свою злость на мирном населении. 30 января 1943 года деревня была окружена. После чего начался массовый расстрел ни в чем не повинных людей. Всего в тот день погибло 68 человек, в том числе, мои папа и мама.

Нас захватили позже и увезли в город Берлин. Мне тогда было 14 лет, работала на военном заводе «Бергман», сучила телефонные провода. А жили мы в концлагере при этом же предприятии. После освобождения уходили на родину, кому как придётся.

Из родных никого не осталось. Чудом уцелел только дедов дом. Хорошо, что добрые люди забрали к себе на хутор, работала там по хозяйству. Вышла замуж и вместе с мужем уехали в город Санкт-Петербург, где прожили 22 года.

Сейчас живу в городе Иваново. Прошло много лет после трагедии моей деревни, после всех ужасов войны и фашистского концлагеря, но забыть всё пережитое невозможно, как и простить зверства военных преступников...

Рассказывает Шевчук Анна Агафоновна, 1938 г.р., уроженка и жительница деревни Полкотичи Ивановского района.

Девичья моя фамилия Веренчук. В 1942 году наша семья: отец мой Веренчук Агафон Антонович, 1900 г.р., мать Прасковья Ивановна, 1903 г.р., я и мой брат Александр, 1929 г.р., была вывезена на чужбину из нашей родной деревни Полкотичи.

Привезли нас в Австрию в город Вена. Жили мы в лагере в самом городе, в котором содержались военнопленные и гражданские люди из разных стран. Начальника лагеря звали Отто Брин. Родители работали на кирпичном заводе в Вининберге. Жили в бараках, которые были размещены таким образом, что крохотные окошечки выходили прямо на улицу. И мы видели сад через дорогу. А там яблоки! Крупные и красивые. А мы голодные, голодные всегда. Однажды мальчишки-подростки вынули шибку в окне, вылезли, пробрались в сад и набрали яблок сколько могли унести. Ели всю ночь. А утром начальник приказал построиться всем: и взрослым, и детям. Принесли колоду. И по пальчику отрубили всем, кто побывал в саду. Вот так...

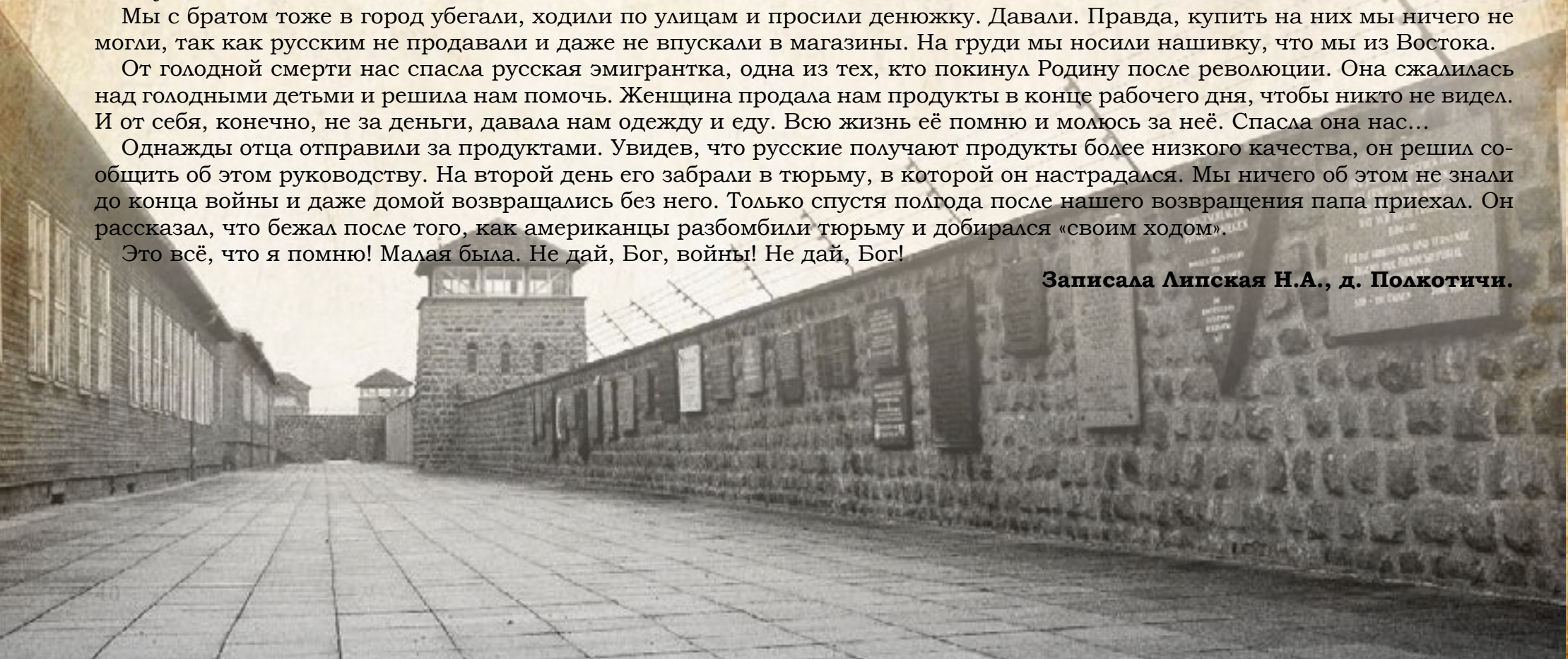
Мы с братом тоже в город убегали, ходили по улицам и просили денюжку. Давали. Правда, купить на них мы ничего не могли, так как русским не продавали и даже не впускали в магазины. На груди мы носили нашивку, что мы из Востока.

От голодной смерти нас спасла русская эмигрантка, одна из тех, кто покинул Родину после революции. Она сжалилась над голодными детьми и решила нам помочь. Женщина продала нам продукты в конце рабочего дня, чтобы никто не видел. И от себя, конечно, не за деньги, давала нам одежду и еду. Всю жизнь её помню и молюсь за неё. Спасла она нас...

Однажды отца отправили за продуктами. Увидев, что русские получают продукты более низкого качества, он решил сообщить об этом руководству. На второй день его забрали в тюрьму, в которой он настрадался. Мы ничего об этом не знали до конца войны и даже домой возвращались без него. Только спустя полгода после нашего возвращения папа приехал. Он рассказал, что бежал после того, как американцы разбомбили тюрьму и добирался «своим ходом».

Это всё, что я помню! Малая была. Не дай, Бог, войны! Не дай, Бог!

Записала Липская Н.А., д. Полкотичи.

Истории: дети войны

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Дорога длиною в жизнь...

*Чтобы дать ученику искорку знаний,
учителю надо впитать целое море света.
В.А.Сухомлинский*

Вряд ли маленькая Клавочка, чье детство пришлось на страшные военные годы, могла предположить, что в будущем будет с гордостью носить это высокое звание – Учитель.

Родилась Клавдия Митрофановна Коревко (девичья фамилия Бородько) 18 сентября 1933 года в городе Иваново в семье служащего. В то время это был небольшой городок, в котором было несколько улиц: сегодняшняя улица Советская – Пинская, улица Ленина – Любешовская, Первомайская – Средняя, Кирова – Крайняя. Половина жителей города – евреи. Православные и евреи жили дружно.

Отец Митрофан Романович, окончив русскую гимназию, принимал активное участие в революционных событиях. В Речице Гомельской области был избран членом Речицкого ревкома.

Однако чувство малой родины было сильнее высоких должностей – вернулся домой. Согласно условиям Рижского мира 1921 года Западная Беларусь оказалась в составе Польши. Власти нового режима тут же усмотрели в Митрофане Романовиче большевика и на восемь лет лишили всякой работы. Правда, позже дали писарскую должность, учитывая грамотность и наличие

каллиграфического почерка, в деревне Бездеж Дрогичинского района. Но когда в гмину приезжали с проверкой, его отправляли куда-нибудь с глаз долой, чтобы этот «русский» не попался на глаза высокому начальству. Польские власти добивались, чтобы Митрофан Романович принял католическую веру. Однако он остался верен православию.

События 17 сентября 1939 года – семья встретила с радостью. Подрастали четыре красивые и умные девочки. Страшным потрясением стал арест отца и его ссылка на целых 10 лет. Это случилось сразу после того, как ночью в голодные времена украли из сарая двух поросят. Воры же и донесли властям о том, что он якобы является антисоветским элементом и работал при панской Польше на правительство Пилсудского.

Кто узрел в нём, честном коммунисте, партизанском связном, антисоветчика, узнать так и не удалось. Считали за счастье, когда он, отсидев срок, все-таки в 1954-м вернулся. Через несколько месяцев отца реабилитировали, назначили хорошую пенсию.

Клавдия Митрофановна до войны успела закончить только первый класс польской школы, которая находилась на месте сегодняшней школы №2. Во время войны в него попала бомба, и здание было разрушено.

Детские годы – это война. Война погасила радость в детских глазах. Война украла детство.

Хроника войны глазами ребёнка

Мне семь с половиной лет. Утро 22 июня очень тёплое и солнечное, но взрослые почему-то в страшном волнении и всё твердят одно слово: «немец, немец». И я представляю себе огромного дядьку по имени Немец. Из соседнего продуктового магазина люди в спешке тащат всё подряд. Мама не перестаёт причитать. Вчера уехали в Пинск на смотр художественной самодеятельности школьники. Среди них моя старшая сестра Глаша. К счастью, к вечеру, каким-то образом они добрались домой.

Проходит несколько дней и в город на мотоциклах со стороны Могильно (мост через Самаранку по ул. Пинской, ныне Советская, разрушен) въезжают немецкие автоматчики. В кино очень точно показывают эти закатанные рукава гимнастёрки, эти автоматы на шее, губные гармошки. Они совсем не страшные, даже веселые – дядьки по имени Немец. Бреются на солнышке, хохочут, ласково треплют по щекам нас – ребятишек.

Теперь я понимаю, что это великодушие было от сознания скорой и лёгкой победы. И длилось оно совсем не долго – до первой партизанской диверсии.

Я пасу коров на берегу речки и вдруг слышу страшной силы взрыв на мукомольне (в районе нынешнего ресторана находилась пивоварня Резника с мельницей и электростанцией). Вижу, как несут через дорогу окровавленного человека. Слышу потом разговоры взрослых, что человек, который взорвал электростанцию, успел уехать на велосипеде в сторону Ляхович в партизаны.

Позже в городе появляются полицаи. Детская память не запоминает годы и даты, а только впечатления. На улице 17 сентября свадьба и мы бежим посмотреть на молодых. Странные гости на этой свадьбе – чёрные мундиры и фуражки, черепа на рукавах. Жених полицай и все гости ему под стать.

Тропы детей неисповедимы даже во время войны. Бегаем за Могильно смотреть на лежащий в откосе тепловоз – партизаны взорвали, бежим на площадь смотреть повешенного партизана. Взрослые рассказывают историю расстрела семьи пана Секежинского, что преподавал до войны французский язык, а в годы оккупации был управляющим хутора «Передел» и угонял скот от фашистов в лес. А также страшную историю Регины Невядомской, которую расстреляли за связь с партизанами и которая родила ребёнка прямо во время расстрела. Слушаем, запоминаем и только через много лет понимаем, какие чёрные отметины все эти события оставили в детской памяти и в человеческом сердце.

Сейчас я понимаю те странные слова, которые отвечал нам на приветствие местечковый еврей Зымба. Мы кричали ему: «День добрый, пан Зымба» и слышали в ответ: «Кабы жыць». «Только бы жить», – отвечал нам еврей Зымба, предчувствуя страшный сентябрь 1942 года.

Для гетто был выбран самый густонаселённый квартал нашего города (вся территория от ресторана «Полесский» до площади Октября и от улицы Советской до Самаранки). Этот район, обнесённый колючей проволокой, имел только один выход. Там, где сегодня зажигают Вечный огонь (может позднее само провидение выбрало место для этого памятника). У ворот гетто висел кусок рельса, в который рано утром били железным прутом, и это был сигнал евреям-мужчинам выходить на работу. Они носили жёлтые круги на рукаве, и каждый день ходили строем на железную дорогу и обратно.

Но однажды их вывели всех. Вели партиями. Местное население смотрело на этот скорбный путь. Ещё вечером прошёл слух, что фашисты запрудили Самаранку в районе гетто и все ждали самого плохого.

Восьмилетним ребёнком, видевшим эти колонны несчастных людей, до сих пор помню, в какой страшной покорности и тишине они шли на смерть. Как агнцы на заклание. Рядом стоял мой дядя Василий. Он имел немало знакомых среди евреев, иногда ему удавалось передать картошку или молоко под колючую проволоку в гетто. И вдруг я увидела, как один из мужчин в колонне, проходя мимо него, поднял руки в рукопожатии над головой. Мне бы спросить и запомнить, как звали того мужчину, а я только поняла, что это знакомый дядьки Василия и так он прощается с ним. Как никогда мы не узнаем, как звали того мальчишку, что на моих глазах рванул из колонны в рожь (в районе нынешнего переулка Ленина) и немцы не стали по нему стрелять. Или имя той женщины, что после пожара в гетто, потеряв рассудок, брела по улице 17 сентября, и фашист кричал ей вслед «Юдэ», «Юдэ» и выпустил автоматную очередь. Или имя той девушки, которую фашисты вытащили из соломы за сараями соседского дома и, раздев до нижнего белья, расстреляли, бросив тело на телегу с чёрными обгоревшими трупами.

Гетто начало гореть ночью. Вечером досужая ребятня бегала смотреть, как гитлеровцы обыскивали этот район. Они нас не трогали, но моя память сохранила раздавшийся в тишине плач ребёнка из подвала пустого дома и метнувшегося туда немецкого солдата. А затем оглушительные выстрелы и ... тишину. Фашисты не стали вытаскивать людей из подвалов, они выбрали другой способ расправы. Гетто горело всю ночь, и много недель спустя в этом районе стоял запас горелого человеческого мяса.

В 1943 году население стали угонять в Германию. По улицам медленно ехал автомобиль с рупором, из которого звучали слова о том, что всем необходимо явиться к указанному времени на железнодорожную станцию к зерноскладам. Германии нужны были молодые и здоровые рабы. Мои родители имели медицинские документы о плохом здоровье, мы с сестрой Леной были ещё детьми, а вот Глаша, которой исполнилось 15 лет, попала в список. На глазах у мамы её увели к зернохранилищу. Не знаю, как удалось организовать побег, но ночью, когда из Мотоля привезли большую группу молодёжи и их переводили в вагоны, полицейай отпустил несколько человек. Был ли он ивановским человеком, который просто пожалел этих бедных детей, или заплатили ему родители что-то, сказать не могу. Но помню, мама хлопотала о Глафире по знакомым.

И вновь лето. Июнь 1944. По пинской дороге непрерывно движутся повозки с немцами. Это уже не те лощёные, добродушные солдаты, что пришли на нашу землю три года назад. Советская авиация бомбит дорогу на Брест – фашисты отступают. Местные тоже покидают родные дома. Бегут в деревни, на хутора, в лес. Отступая, фашисты гонят с собой скот, оставляют позади пепелища. Наша семья едет в сторону Березлян. Что можно увезти кроме детей? Мама откручивает головку у швейной машинки и прячет во рву, да так и не найдёт её потом. Нас гонят вместе с немецким обозом, и мама шепчет отцу, чтобы свернул в лес и сделал вид, что поломалась телега. Так нам удалось отстать. Война, а в поле цветёт рожь, как в той пословице «помирай, а жито сей». Мы роём окоп, где и ночуем. А ночью видим над городом страшное зарево и когда возвращаемся, то попадаем на пепелище.

Ещё и сейчас мне снится наш дом. Просыпаюсь, и мне кажется, что он уцелел, хотя после возвращения на нашем дворе стояла только огромная обуглившаяся груша. И мне показалось, что она забрала на себя весь огонь страшного пожара. Эта груша так и осталась в моей детской памяти символом обуглившейся человеческой души в пожаре войны.

Коревко Клавдия Митрофановна

После освобождения города началась мобилизация. Ушёл на фронт Глашин жених Коля Микитчук. И в город сразу стали приходить похоронки. Вот только вчера Коля разговаривал со своими земляками – однофамильцами Женей и Николаем Микитчуками, а сегодня из-под Варшавы на них пришли похоронки. Сложили парни головы в первом бою.

А мы, школьники, собирали на фронт посылки. Как сейчас помню стихи:

Отошлю на фронт бойцу,

Вдруг достанется отцу.

Будет рад и он, и я,

И Варварушка моя.

На Новый 1945 год нам в подарок раздали по одной «подушечке» и нет теперь ничего слаще этой конфеты без обёртки с начинкой из повидла. А в 1946-м подарок был поистине царский – мне преподнесли настоящую тетрадь. С гладкими лощёными страницами. Наверное, она так и осталась неписанной, потому что не было тех волшебных слов, которые можно было бы написать в эту замечательную послевоенную тетрадь.

В пёстрый калейдоскоп ликования слился в моей памяти день 9 мая 1945 года. Люди и город потихоньку приходили в себя. В центре города были уже установлены репродукторы, из которых дикторы не уставали сообщать о нашей победе.

С победой вернулась к людям вера в будущее, появились силы для новой жизни, и крепла гордость за Родину. Ивановцы потихоньку отстраивались. Вернулся с фронта двоюродный брат Боря. Инвалидом, без ноги, но живой. Отслужив срочную службу, возвращались женихи ивановских девчат, ехали на Родину строить мирную жизнь.

Подрастали и мы – дети с глубокими зарубками войны на сердце.

1 сентября 1944 г. Клавдия пошла в третий класс. Учителем была Александра Ивановна Бегоза. Единственная школа, которую в 1938 г. начала строить владелица имения «Могильно» пани Конедаковская, была разрушена во время войны. Послевоенная школа сначала была расположена в частном доме Бабиной по улице Кирова, затем – на углу улиц К.Маркса и Советской. Не было самого необходимого. Тетради делали из бумажных мешков для цемента, в тёплой воде разводили

копирку и это были чернила. К палочке привязывали пёрышко – получалась самодельная ручка. «Помню, на урок по естествознанию Александра Ивановна принесла яблоко. Большущее красное яблоко, чтобы объяснить нам его строение. А мы не слушали учительницу, жадные детские глаза поедали это яблоко».

До Покрова в школу не ходила – пасла коров, так как за это давали зерно. В тяжёлые послевоенные годы это был способ поддержать семью. Но желание учиться было огромное. Даже то, что в школу приходилось ходить босиком, не останавливало девочку.

В скором времени старшая Раиса станет фельдшером и будет работать в Крытышине, Глафира – бухгалтером района, Елена – работником райпотребсоюза.

Гордостью районного учительства станет и Клавдия Митрофановна. Но тогда, сразу по окончании школы, выпускница-отличница (3-й ряд, четвертая слева) не могла и мечтать ни о каком поступлении. После школы пошла ра-

ботать на хлебопункт токсировщицей. Однако педагоги не оставили способную девушку без внимания. С большим уважением и любовью вспоминает Клавдия Митрофановна об Агриппине Петровне Тузик, вдове погибшего боевого лётчика, которая станет признанным и любимым учителем русского языка и литературы в школах города – «тактичный, скромный, добрый... настоящий учитель».

Благодаря её поддержке Клавдию тут же направляют на двухмесячные подготовительные курсы учителей математики при Барановичском учительском институте. Начиная свой путь в Могольской школе.

Через год она становится студенткой-заочницей факультета физики и математики Барановичского учительского института. Звание учителя средней школы с правом преподавания в 1-7 классах получила уже в Брестском педагогическом институте на фамилию Коревко.

А потом были Лясковичская восьмилетка и средняя школа №3 г. Иваново. За 36 лет педагогической деятельности не перечесть грамот и благодарностей, которых была удостоена Клавдия Митрофановна.

Отличник народного образования, в 1960 году в составе делегации из пяти человек она представляла Ивановщину на первом съезде учителей Беларуси. Здесь же, на высшем форуме учительства республики, ей вручили медаль «За трудовую доблесть».

Материнская тревога – извечная. Клавдия Митрофановна только вскользь заметит, что сын Виктор был в Афганистане. После службы сын проживает с семьёй в Минске, работает специалистом компьютерной диагностики машин с электронным управлением, уже сам дедушка. А мама, как и раньше, с нетерпением ждёт весточки из столицы.

Дочь Галина окончила Минский государственный педагогический институт и получила специальность дошкольного педагога и психолога. Много лет она работала психологом и воспитателем в детском саду. В настоящее время высококвалифицированный наставник, хороший специалист, Галина Николаевна Карданова является руководителем детского объединения «Школа раннего развития» в Центре развития творчества детей и юношества Эльбрусского района в Кабардино-Балкарии. Занятия с детьми ведёт по специальной авторской программе, где обозначены все необходимые направления дошкольного обучения в воспитании малышей.

Воспоминания записаны педагогами средней школы №3 г. Иваново, обработаны Хлус А.В. и Пернач О.В.

Дата рождения 09.01.1933 года, д. Щекотск Ивановского района.

Воспоминания из далёкого детства.

Сентябрь 1939 года... Начало Второй мировой войны и на территорию Западной Беларуси пришли части Красной Армии. Ольга Васильевна запомнила, как красноармейцы обещали им богатую и счастливую жизнь.

Запомнились ей и первые дни Великой Отечественной войны. Фашистские самолёты бомбили её родную деревню. Она, как и все дети её деревни, в тот день пасла коров и, чтобы уберечь животных, она загнала их далеко в лес возле деревни Березяны.

На протяжении всех военных лет, она с односельчанами укрывала коров в лесу, чтобы немцы не конфисковали их. Жители деревни дежурили по очереди и, когда начинались поборы, об это сообщалось и принимались меры. Там они находились до тех пор, пока не закончились грабежи.

Ольга Васильевна вспоминает со слезами трудное военное время. Не хватало еды, одежды, дети в школе не учились, а помогали родителям по хозяйству. Ходили к немцам на различные работы, в основном, работали на кухне, чистили картошку. За это их кормили и угощали конфетами. Немцы жителей держали в страхе, все боялись за свою жизнь и жизнь своих родных.

Она вспоминает, что прожитый день – хорошо, так как домой ты можешь не вернуться. Так случилось и с её семьёй: был убит её родной дядя, самый младший брат отца, Валюшко Митрофан Григорьевич, из-за предательства двоюродного брата, который служил полицаем. К ним на хутор, который был между деревней Щекотск и деревней Верхустье, часто заходили партизаны. Он был убит вместе с другими жителями Ивановского района на окраине города и похоронен в братской могиле. После войны было перезахоронение. Ольга Васильевна вспоминает, как она вместе с бабушкой Евгенией, его матерью, и женой с тяжёлым сердцем опознавали тело дяди по сапогам, которые были пошиты местным сапожником.

Запомнился один случай. Пришли партизаны и оставили в их сарае лошадей. Её отец, Валюшко Василий Григорьевич, вместе с соседом успел спрятать этих лошадей в лесу, так как их предупредили, что к ним уже спешат немцы.

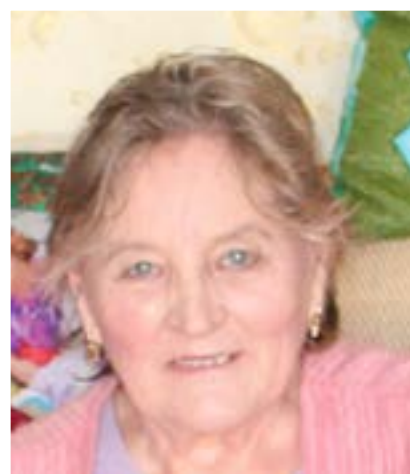
Ольга Васильевна помнит, что ближе к концу войны всё чаще деревню бомбили уже советские самолёты и немцы вокруг деревни вырыли окопы, где прятались от налётов. При отступлении немцы сожгли мельницу Бенды Якова, а его самого убили. Она помнит зарево пожара, его было видно далеко.

После войны Ольга Васильевна работала, учиться толком не получилось. «Не было за кем» – говорит она. У неё рано умерла мать, а мачеха отправила её работать. Всю жизнь была в колхозе полеводом, потом животноводом.

Вышла замуж, муж работал в местном леспромхозе. Родила двоих детей. Сейчас у неё пятеро внуков, девять правнуков. Бабушка гордится, что у внуков высшее образование и среди них есть врачи, учителя. Правнуки тоже успешно учатся и получают высшее образование.

В свои 88 лет Ольга Васильевна вяжет, вышивает чудесные картины, читает книги, правда, плохо слышит и ходит – сказались тяжёлые условия её работы.

Родилась я 5 июня 1941 года в деревне Язвины Дрогичинского района Брестской области. Мой папа, Неведомский Григорий Степанович, 1918 года рождения, погиб в начале Великой Отечественной войны, поэтому его не помню, но люди рассказывали, что это был «артист-бандит» – на велосипеде едет, на гармошке играет, папиросу курит. Вместе с отцом на фронт ушёл и его брат Степан. Судьба их была печальной и бабушка Малашка не выдержала этого горя.

Моя мама, Неведомская Надежда Никитична, 1922 года рождения, закончила 5 классов польской школы и смогла из-за нехватки учителей после 1939 года обучать взрослую молодёжь в деревне Ялочь Дрогичинского района. Через несколько лет после гибели отца она заболела туберкулёзом и умерла в возрасте 27 лет, когда мне было 8 лет. Бабушка и тётя не разрешили забрать меня в детдом, оставили у себя и заменили мне родителей. Но я никого никогда не могла называть мамой, потому что моей мамы нет в живых!

Военное время помню с трудом, ведь родилась я в том же месяце, когда оно началось. Муж рассказывал, как летели самолёты, и они прятались в жите. Через пару дней немцы заняли их дом возле дороги, и семья вынуждена была уйти вся, кроме его отца. Вспоминал он, что не все немцы были злыми и вредными, а, наоборот, даже угощали детей конфетами. Были в нашей местности и мадьяры.

Родные рассказывали, как немцы собирали молодёжь для отправки в Германию. Там была и моя мама, молодая и красивая. Она держала меня на руках и щипала для того, чтобы я заплакала, и нас не забрали. И мы остались. Старшей сестре мужа Зосе не повезло и её увезли.

Помню налёт самолётов. Моя бабушка толкнула меня в коросту и прикрыла собой. Было очень страшно! Я думала, что прятаться лучше в доме, но мы часто делали это в огороде. У нас была землянка, и вход в неё мы закрывали заслонкой от печки. А я была любопытным ребёнком и часто её открывала, чтобы посмотреть на небо. Самолёты летали высоко и казались маленькими настолько, что ещё мгновение – и они залетят к нам как комарики. В то время в небе над нашей деревней летала русская лётчица. Я знала это, потому что сосед по прозвищу Затыкач махал кулаком и бранился, что она попала в его сарай.

Когда я немного подросла, заболела коклюшем. Лечили меня молоком кобылы. Правда, животное было слабым, потому что немцы забрали полуконя себе.

У меня сохранился портрет моей мамы, написанный отцом. Дед Никита был грамотным. Даже сохранилась фотография, на обороте которой красивым почерком написано – «Саливончик Никита». Он ушел на фронт возможно в 1943 или 1944 году во время освобождения Беларуси. Ушёл воевать и мамин брат Григорий, служивший потом в городе Познань.

Мой дед, вернувшись из Германии, принёс мне в подарок кульбу (клюка) и на память вещицу, очень похожую на пепельницу. Такой предмет я видела в фильме «17 мгновений весны». Дедушка очень любил меня и жалел. В пять лет научил читать и писать, поэтому в школе мне делать

было нечего.

Моя мама была хорошей портнихой, на память о ней сохранилась её швейная машинка и самодельная игольница. Эти вещи храню у себя и никому их не отдаю.

После войны было много бандитских банд. Я часто слышала прозвище Сюнька и не знала, кто это такой. Потом узнала печальную историю смерти моих родственников – Александра (Сюньки) и Марии (Маньки) из урочища Красный двор. Их убили бандиты. Осталось двое детей: девочку забрали родственники из деревни Огдемер, а мальчика отправили учиться.

После окончания Язвинской начальной и Ялочской семилетней школ училась в Дрогичинской средней школе №2, где преподавание велось на белорусском языке. Это были интересные годы: занятия спортом, активное участие в художественной самодеятельности. В далёком 1959 году не хватало учителей, особенно в отдалённых населённых пунктах. Меня направили старшей пионервожатой в Белинскую семилетнюю школу. На работу приходилось добираться по-разному: ездить на велосипеде, переправляться на пароме или лодке. А это километров восемнадцать в одну сторону.

Жили без мужчин в семье, и приходилось заниматься мужскими делами: дрова рубить, сено косить. В феврале 1960 года вышла замуж за парня из нашей деревни – Адамовича Павла, который был старше меня на шесть лет. Вскоре мужа забрали в армию на три года, а я осталась с его родителями на хуторе Островки. Сохранила себе на память все-все фотографии и письма мужа из армии и даже разложила их по годам. В свободное время люблю их перечитывать и вспоминать прошлое.

В декабре 1960 года родился сын. 56 дней декретный отпуск – и снова на работу. Мне повезло, что работа находилась близко, в Ялочской семилетней школе. Преподавала немецкий язык, историю, рисование. Позже числилась пионервожатой.

В 1962 году меня назначили учителем начальных классов Осовецкой восьмилетней школы, где я проработала девять лет. Добираться на работу надо было долго – километров пять-шесть. В то время зимы были снежными, поэтому часто приходилось становиться на лыжи. Пока муж служил в армии, я в 1962 году поступила в Брестский пединститут, закончила его и работала некоторое время в Дрогичинском районе.

И, наконец, появилась более светлая полоса в моей жизни. Мужа перевели на работу в город Иваново, дали квартиру, а меня направили в Лясковичскую восьмилетнюю школу, директором которой был Смелковский Иван Петрович. Воспитателем у меня была Дричиц Лариса Георгиевна.

В 1977 году я была переведена учителем начальных классов в среднюю школу №3 города Иваново. В 1988 году за добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета СССР была награждена медалью «Ветеран труда». Неоднократно я награждалась грамотами отдела народного образования.

В 1992 году была переведена учителем Лясковичской начальной школы, которая образовалась вместо детского сада. В классе сельской школы детей было много. Многие из них были очень непредсказуемы, но я с ними скоро нашла общий язык. Я никогда не ставила своей целью жёсткую дисциплину, только доброе человеческое отношение.

Долгое время ухаживала за мужем, который болел серьёзной болезнью. К сожалению, его не стало.

Сейчас на пенсии не скучаю. Записываю, какие книги я читаю, полезные советы. Ещё во время обучения в институте любила петь песни, хорошо помню старые местные песни, даже записала их около ста. Увлекалась вышиванием крестиком. Без сожаления дарю свои работы родственникам и друзьям. Даже забрали мою вышитую подушку гости школы в Англию.

Воспоминания записала Пернач О.В.

Родилась я в деревне Мохро Ивановского района. Нас в семье было девять детей: шесть братьев и три сестры. Мои родители: Филипп Панкратьевич и Анастасия Ефимовна, работали на земле. Трудно было тогда: не было одежды хорошей, обуви. Мама пряла, ткала, шила нам сорочки и рубашки. Всё было сделано своими руками, ведь купить негде было.

Когда началась война, мне было восемь лет. Голод, холод. Объявили по радио и мама заплакала. Мамин отец, проживавший в деревне Вулька, приехал к нам и приказал сидеть дома. Немцы со временем оккупировали дедову деревню, и мамини родители переехали к нам в деревню, где было спокойнее.

Бомбили не часто, но было очень страшно. Дед прятал нас под кроватью, а мама вешала на забор одеяла, чтобы лётчики видели, что здесь живут семейные. Однажды сестра вышла за утюгом к соседке. Вернуться домой она не успела и оказалась очевидцем страшного зрелища. Бомба упала близко – за огородом. Сестра осталась живой, а мама от испуга за дочь её немного поругала.

Примерно с 1942 года немцы пришли в нашу деревню. Помню, как они варили макароны с молоком. К нам относились по-разному: особо не издевались, но если узнавали про партизан, то могли и убить.

Были в лесу рядом партизаны. Настоящие партизаны людей не грабили, а вот «прихлебатели» спокойно жить не давали. В полицаи не помню, чтобы уходил кто-то из местных жителей, а вот в Германию забрали многих, даже хотели забрать сестру.

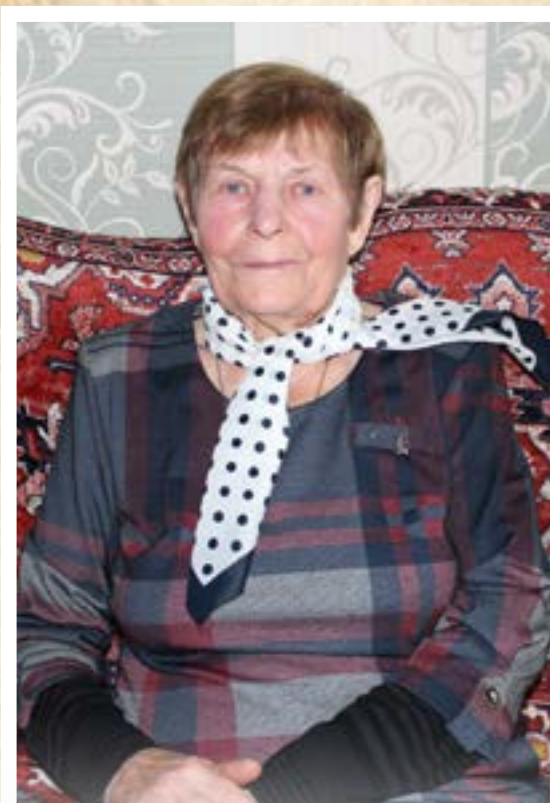
Отец мужа рассказывал о судьбе небольшой деревушки в лесу возле деревни Снитово. Всех жителей выгнали на снег и расстреляли за убийство партизанами немецкого солдата. 30 человек убили, а деревню сожгли.

Старший брат Павел, 1925 года рождения, ушёл на фронт. Мама очень сильно плакала, держа самого младшего ребёнка на руках, 1942 года рождения. Мы все плакали, чувствуя, что больше никогда не увидимся. Так и случилось. Погиб он на передовой при наступлении за три дня до Победы. Был ранен, но сражался до конца в надежде на то, что выживет. Вместе с братом воевал парень из деревни Мохро, он нам и рассказал о гибели Павла. К сожалению, мы до сих пор не знаем, где он похоронен.

Брат писал домой письма, «треугольники», в которых рассказывал о военных буднях и намерении продолжать борьбу с врагом до Победы. Мама письма и документы берегла и зачитывала нам. Но после войны наш дом сгорел из-за удара молнии.

При отступлении немцы всю нашу деревню собрали и гнали к деревне Вулька, недалеко от города Дрогичина. Наша семья без отца, возможно, он тоже воевал, и другие семьи шли пешком за возами. Хозяйство и имущество пришлось оставить, потому что не разрешили взять с собой. Немцы ушли, и мы остались в этой деревне. Прожили недели две в небольшой бедной хатке. Голодали. Вернулись домой уже после освобождения нашей территории. А дома ничего не осталось: ни

Дробыш Евгения Филипповна

окон, ни дверей, всё разрушено. Мама – в плач! Голод и разруха! Со временем жизнь наладилась. Когда освобождали нас, стало спокойно. Люди праздновали, плакали сильно от счастья, обнимались. Большой радостью было возвращение родных живыми и большим горем для матерей было получить похоронку.

В послевоенное время я закончила восемь классов Мохровской школы. Не всегда могла учиться – приходилось помогать семье. Любила математику, всегда решала задачи своему брату. Если бы была возможность учиться, то училась бы. Но отец заставлял пасти коров. Однажды я его ослушалась и убежала в школу, за что была наказана. Но я всё равно тянулась к знаниям.

После окончания школы уехала на заработки в Украину, работала некоторое время на торфянике в деревне Трудовая. В октябре 1959 года вышла замуж за Василия Иосифовича Дробыша, уроженца деревни Снитово. Познакомились мы на танцах, понравились друг другу. Особенно он приглянулся моему отцу. Прожили мы шестьдесят лет вместе, и родилось у нас четверо детей: две дочки-близняшки и два сына.

Со временем мы приняли решение уехать в город Ставрополь, где прожили 10 лет. Здесь у нас был свой дом, сад, большое хозяйство. Переехали обратно на Родину из-за климата. Муж работал трактористом, потом строителем. Когда вернулись в Беларусь, я работала дояркой, потом на ППРХ и вышла на пенсию.

Любимого мужа уже нет в живых, и я проживаю одна. Иногда меня навещают дети.

Воспоминания записала Пернач О.В.

Родилась я в деревне Вороцевичи 5 мая 1936 года, а муж мой родом из деревни Горбаха Ивановского района. Моя деревня – весёлая деревня музыкантов. Из города Иваново приезжали к нам на танцы.

Моя семья не была богатой. Отец мой, Гедько Григорий Сергеевич, 1910 года рождения, был плотником. У моей матери, Софьи Петровны, 1909 года рождения, не было отца, потому как он ушёл на фронт ещё во время Первой мировой войны. Домой так и не вернулся – в Карпатах его убили. Отец и мать были малограмотными, но могли расписаться, поскольку некоторое время учились в польской школе. А брат отца даже занимал должность солтыса в гмине.

Я – единственный ребёнок в семье, потому что мама сильно заболела и была, можно сказать, на грани жизни и смерти. Её спас польский врач, сын нашего священника, но детей больше иметь она не смогла.

В семье отца было пять братьев и одна сестра. Многие умерли, и их осталось трое: отец, самый старший, самый младший брат и дядька-солтыс, пропавший в годы войны без вести. Отец дошёл до Берлина и вместе с младшим братом вернулся домой живым.

Вот такое довоенное, босоное моё детство, но гораздо веселее, чем сейчас. Все тогда дружными были, всем всего хватало. Помню, зашла к соседям, семье Дашкуна «Земского» Антона, жившей через два дома. У них было восемь или девять детей. Хозяйка застелила самотканую скатерть, высыпала картофель из чугунка на стол и все кушали. И было очень вкусно! Мне так хотелось! Дома мама наварит всего: и масло есть, и хлеба напечёт. А мне у них вкусно! Вот так и жили!

У нас в деревне во время войны был немецкий военный штаб. Немцы были разными: и хорошие, и плохие. Среди них был и один русский. Помню, хоть мы совсем ещё дети, у них был в картонных стаканчиках искусственный мёд. Дети как дети! Немцы угощали нас мёдом, а нам ещё хотелось. Однажды, когда мы пришли за угощением, этот русский спустил на нас собаку. И если бы не немец, она могла бы нас загрызть до смерти. Больше мы туда не ходили. Это произошло примерно в 1943 году после битвы за Москву. Помню немецкую кухню в деревне на окраине, в ней тоже работал поваром русский. Тогда не было сахара, пили мы воду из колодца, а он нам чай давал.

Вспоминается ещё такой момент. У нас было много гусей. И я их пасла. Побежала однажды на речку и слышу – зовут обратно, потому что едут немцы карать за помощь партизанам. Все побежали прятаться в землянки в вишенках недалеко от деревни. Немцы контролировали, из какой ты землянки: если ближе к деревне Снитово, то ничего, но если ближе к лесу – значит партизан. Обстрел... Много тогда людей погибло. Мы могли быть в их числе. Мне было так страшно – аж в горле

Катеринич Мария Григорьевна

пересохло! Недалеко от нас убили мужчину в поле – не успел убежать. Мучаясь от страшной боли, он просил его добить, но ни у кого не поднялась рука.

Карательные операции проводились часто. Однажды ранило односельчанку, в будущем мою однокурсницу по кооперативному техникуму в Гомеле, возможно, за связь с партизанами. Было трудно: вечером – партизаны, днём – немцы. Но в нашей деревне не уходили в полицаи. Правда, был один из деревни Горбаха.

В Германию забирали многих. Когда отступали немцы, отца забрали на фронт. Мы все вместе его провожали, приехали в город Иваново к церкви, где был сборный пункт. При форсировании реки Вислы его сильно контузило – стал немым и глухим. Лечился в Оранчицах Пружанского района, куда мама ездила его проведывать. Подлечили немного и отправили опять на войну.

Пока отец был на фронте, я проживала с мамой и бабушкой Хвилиной (Ольгой), которая после войны в поисках лучшей доли уехала в город Семипалатинск, где называли её Акулиной. Многие уехали искать лучшую жизнь, но все вернулись обратно. В голодные годы картошка нас кормила, но её ещё нужно было посадить, поэтому обрезали так, чтобы остались очистки с ростками. И она росла.

Отец вернулся, и родители купили сруб дома в деревне Хидры, недалеко от деревни Овзичи, а сени сделали сами. Постепенно обжились, нажили необходимое имущество, устроились на работу в колхоз.

Отец, в деревне его за упорное трудолюбие называли «Кутуз», был очень хозяйственным, справедливым и уважаемым человеком. Председатель колхоза, в будущем начальник коммунхоза, всегда вспоминал его при встрече и даже помогал в память о нём.

Семь классов я закончила в деревне Вороцевичи, где школа располагалась в нескольких жилых домах. Не было много места, поэтому на польских кладбищах за деревней проходили уроки физкультуры. Не было бумаги, тетрадей, поэтому писали на газете. Учителя: Шингель Зинаида Григорьевна, дочь – Шингель Ася Марковна. Новую школу начали строить, когда я была в восьмом классе, и мне пришлось продолжать обучение в городе Иваново. В то время в гимназии была русская школа, а в здании бывшего ЗАГСа (горсовет) – белорусская школа, где обучались дети из ближайших деревень.

Недолго я училась, потому что часто болела. Учительница ботаники и по совместительству лаборант предложила мне стать лаборантом, чтобы не терять год, и пойти в школу рабочей молодёжи. Добираться приходилось пешком километров 12-13 с полной корзинкой молока и еды в руках.

А в 8 класс я пошла в 1953 году, когда умер Сталин. Осталась и закончила в Иваново 10 классов. Жила на квартире в Могильно в семье Слуцких, у которых было четверо детей: Лёня, Николай, Лида и Рая. Потом жила у Дорогокупца Ивана Константиновича и Лидии Константиновны, которая приходилась мне троюродной сестрой. Потом пришлось жить ещё у одних родственников.

Гедько Евдокия Владимировна, моя родственница, работала бухгалтером в деревне Молотковичи и однажды взяла меня к себе ученицей. Когда сократили Жабчицкий район, Блохин, председатель райпотребсоюза, спросил, кто ивановский. Сначала распределили в деревню Хойно Пинского района, которая располагалась в болотистой местности, и добраться было очень трудно. Поэтому благодаря этому случаю я вернулась в город Иваново. Ничего не оставалось – беру направление и еду в торгово-кооперативное училище в Гомеле. Работать стала старшим счетоводом в горпо, которое со временем разделили и выделили Лясковичское, потом Ивановское сельпо, и я в последнее время работала главным бухгалтером.

Вышла замуж за Фёдора Васильевича Катеринича. Знакомы мы были ещё со школы: я училась в «А» классе, где были все «вороцевичские» и «огдемерские», а он – в «Б» классе, где были ученики из других деревень. Родились мы в один месяц одного года. Муж – 16 мая 1936 года. К сожалению, супруга не стало 8 марта 2012 года. Работал он шофёром в сельхозтехнике, в ДЭУ. Свадьба наша состоялась 19 ноября 1961 года, праздновали два дня. Я – православная. И у нас в деревне церковь красивая. Ещё была маленькой, но помню, как богатые поляки венчались вечером при свете свечей. Очень хотела венчание, но не пришлось.

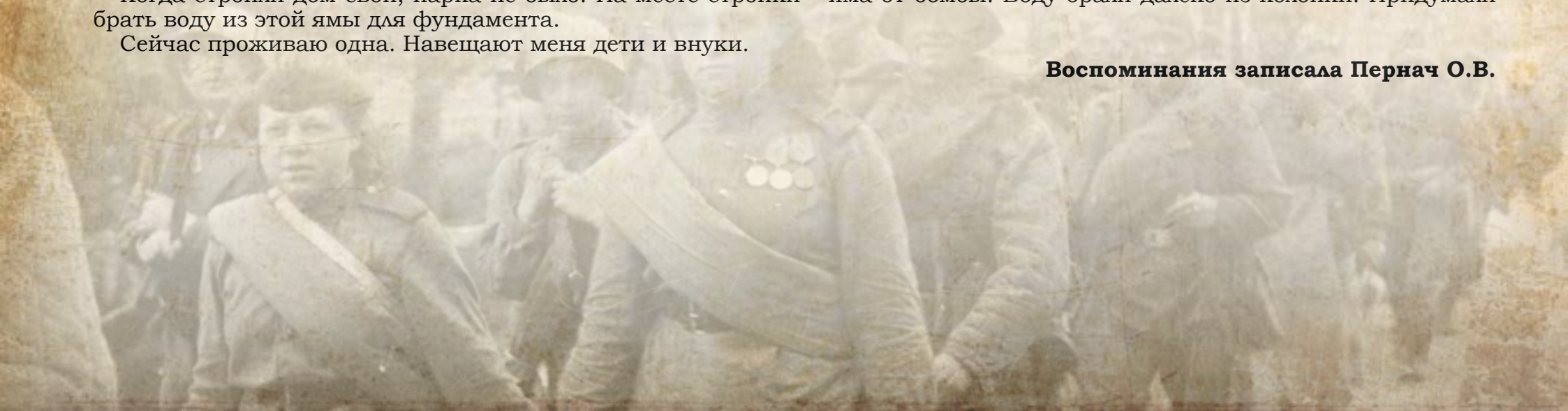
Пионеркой была, но комсомолкой мама не разрешила быть. Могла в церковь ходить спокойно.

Жила у нас на квартире педагог из Гомельщины Кудрицкая Ольга Петровна, учительница белорусского языка. Курятник Трофим Алексеевич, Удодова Антонина Сергеевна – учителя мои. В партию вступали по желанию. На моей работе это никак не отразилось. Муж после армии закончил шофёрские курсы в городе Пинске, работал в сельхозтехнике. Родилось в браке двое детей: дочь, Жук Валентина Фёдоровна, главный бухгалтер ДЭУ и сын – Катеринич Анатолий Фёдорович, живёт в городе Пинск.

Когда строили дом свой, парка не было. На месте стройки – яма от бомбы. Воду брали далеко из колонки. Придумали брать воду из этой ямы для фундамента.

Сейчас проживаю одна. Навещают меня дети и внуки.

Воспоминания записала Пернач О.В.

Галина Никитична Елизарова родилась 12 ноября 1935 года в деревне Огово Ивановского района, где проживала вместе со своими родителями и братом Василием. Детство помнит уже с трудом, но в памяти остались некоторые эпизоды военных лет.

Когда началась война, маленькой девочке ещё не было и шести лет. Но уже тогда она понимала, что наступают тяжёлые времена. Голод, слёзы, страх – всё это наполнило жизнь её семьи и семьи односельчан. Помнит, как приходили с фронта похоронки и люди плакали навзрыд.

В деревне были немцы, недалеко – партизаны. За связь с партизанами людей и их семьи ждала жестокая расправа. Так и поступили захватчики с семьёй Писарчук.

Братья её отца были угнаны в Германию. Они присылали письма, в которых для неё были очень красивые открытки и чистые листы бумаги, так как она пошла в школу, а писать не на чем было.

Галина Никитична вспоминает, что во время оккупации в 1943 году немцы квартировали в их доме. Для себя они выбрали самую большую комнату и самую парадную в крестьянском доме – зал. Здесь разместились пять человек, поэтому они установили двухъярусные кровати.

Немецкие «квартиранты» к детям относились, в целом, хорошо, особо не запугивали и даже давали им угощения из своих посылок. Мама очень переживала и просила детей, чтобы только они не трогали эти угощения без разрешения.

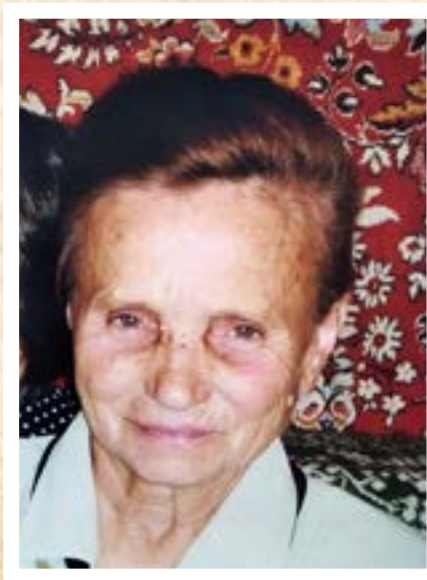
Однажды брат Василий занедужил. От боли мальчик очень плохо спал и постоянно плакал, тем самым мешал отдыхать немцам. Рассерженные от недосыпа они угрожали, что его расстреляют. Маме пришлось приложить все свои усилия и успокоить сына.

Отступление оккупантов проходило не всегда мирно. Даже напоследок им хотелось сделать что-нибудь плохое. Немцы заходили в дом и кричали отцу: «Ты – партизан, расстреляем тебя!». Было очень страшно за него.

Во время освобождения нашей земли семья пряталась в лесу возле деревни Юхновичи. Здесь искали спасение и родные, и знакомые, и друзья. Люди в спешке пытались взять с собой самое необходимое, спасти домашних животных, без которых прожить было бы очень трудно.

Когда освободили деревню, все жители возвращались домой цепочкой: кто лошадь вёл, кто корову. Везли, несли с собой все пожитки в надежде, что не нужно будет опять прятаться в лесу.

Радость была неописуемая, когда стало известно о Победе. Люди плакали, смеялись, обнимались и поздравляли друг друга. Уставшие, замученные, но с блестящими от счастья глазами.

Мою маму звали Анна Романовна, родом из деревни Гневчицы Ивановского района. В тринадцать лет она осталась сиротой – умерла моя бабушка в возрасте 40 лет. Дедушка, Сацута Роман Максимович, женился снова. Мачеха не особо смотрела за детьми мужа, больше уделяла внимание своим.

Мама вышла замуж в восемнадцать лет за Засимовича Василия из деревни Рудск. Во время польско-советской войны его мобилизовали в армию, когда их дочь Раиса была совсем маленькой. Каким-то образом он очутился в Голландии, там и женился. Однажды пришло письмо с фотокарточкой, на которой были изображены двое его сыновей. Свою белорусскую семью он часто вспоминал.

Мама осталась жить в деревне Рудск и работала уборщицей в школе. А мой отец, Феодосий Андреевич, работал инкассатором. Встретились, она ему понравилась и поженились где-то в 1943 году или в 1942 году.

Вспоминается один случай во время войны. В дом, когда были только мама с племянницей отца, заходят два немца и спрашивают, есть ли кто-нибудь ещё. И всё смотрят под печку. Они, онемев от страха, только махали головой. Но немец всё равно выстрелил в это место, чтобы проверить – вдруг там кто-то сидит.

Отец, как и многие ивановские молодые люди, ушёл в партизаны. Партизанские формирования были тогда в деревнях Залядынье, Корсыни – там, в этих болотах. Он числился в отряде, а мама в документах не значилась. Мой отец хорошо относился к моей сестре, носил её всё время на руках. Чтобы они были рядом с ним, забрал их с собой в отряд. Партизан было много, и мама вместе с несколькими женщинами готовила кушать, стирала, помогала по хозяйству. Моей сестре Раисе на тот момент было пять лет. После того, как мама забеременела мной, отец отправил её с сестрой в деревню Гневчицы к родственникам, где она смогла бы спокойно родить ребёнка.

Деда Романа, ему было око-

ло сорока пяти лет, забрали с молодой женой Ольгой, лет тридцати, в Германию. А её дети остались с её матерью. Жили они у бауэра, очень неплохого человека. Чужбина – есть чужбина! Но и так хорошо, их не сильно и эксплуатировали. Из деревни забрали многих людей, собрали в кучу и погрузили в эшелон! И никто ни на кого не глядел. После войны вернулись и работали в колхозе.

С приходом Красной Армии, многих ивановцев в том числе и моего отца, собрали и направили в город Ригу, в рижские леса, где проходили ожесточённые сражения. После отступления немцев на опушке леса наш взвод решил остановиться и отдохнуть. Неподалёку располагались сараи, в одном из которых прятались враги. Улучив удобный момент, они открыли огонь и расстреляли наших солдат. Уцелело всего лишь пять человек. Отца ранило в живот. От сильной боли и в надежде на помощь он кричал, но, увы, помочь ему никто не смог. Где похоронен отец я не знаю, возможно, его тело было растерзано дикими животными. Но на памятнике в деревне Лясковичи есть его имя – Кулич Феодосий Андреевич. Он был родом из деревни Остро-

вок, что относилась к Лясковичскому сельсовету. Я туда на 9 мая хожу, хоть цветочек положу.

Мама осталась с двумя детьми в деревне Гневчицы, так мы втроём и жили. Небольшой домик построили нам, и отсюда в семь лет я пошла в школу. Была очень шустрой, подвижной. Учительница сказала, что, если я буду ходить до Нового года, то могу остаться. И я ходила всё время. Мама работала в колхозе. Другой работы в деревне не было, трудились за «палочки».

Я закончила восемь классов, пошла учиться в гидротехникум, закончила и его. Послали меня в Гомельскую область в город Житковичи. Проработав два года и три месяца, вернулась на Ивановщину. Где родился, там и пригодился! Работала здесь в мелиорации в МУОСе сразу старшим техником, потом инженером, начальником участка. В целом, проработала двадцать лет. Со временем устроилась контролёром в электросети, где проработала ещё десять лет, и вышла на пенсию.

Сестра Раиса живёт в деревне Конопот, 8 сентября ей исполнилось 83 года. Её дочь – Юшкевич Елена Васильевна, учитель начальных классов ГУО «Средней школы №2 г. Иваново».

Я родилась в октябре 1944 года и своего отца никогда не видела. Однажды по служебным делам оказалась в деревне Залядынье и зашла в один дом, где было много фотографий. Смотрю на те фотографии, смотрю, смотрю... И увидела своего отца и говорю: «О! Это же отец мой!» А женщина отвечает: «Так это же Феодосий – наш очень хороший друг!». Её муж и мой отец очень хорошо дружили. Мне было уже за пятьдесят лет и я «встретила» своего отца в Залядынье.

После войны было много бандитов, особенно в районе деревни Мохро. Бандеровцы лютовали в 50-е годы. Если кто-то в колхоз вступал, значит, всё – им не жить. Бандеры! Люди боялись даже в своих домах ночевать. Особенно вспоминала мама случай на одной свадьбе. Один человек так ненавидел своего друга, что решил его убить по-хитрому. Он предложил ему прийти под вечер и спрятаться во ржи. Друг заподозрил неладное и смастерил чучело, которое посадил вместо себя. В назначенное время пока шло свадебное застолье, хотя там такая свадьба была – есть почти ничего не было, раздались выстрелы. От злости друг задушил стрелка.

Был ещё один бандеровец из деревни Гневчицы, фамилию уже не помню. Его хотели всё схватить. Однажды ночью он пришёл к своей сестре и говорит: «Я жито сожну, обмолочу, на следующий день соберусь и уеду отсюда. Я боюсь уже тут ночевать». Он понимал, что расправа будет за его жестокость.

Милиции сообщили о его намерении уехать. Операция проходила ночью и во время её проведения его вместе с женой убили, но детей не тронули.

Мама мало вспоминала о войне, потому что для неё это было тяжело!

Воспоминания записала Пернач О.В.

Родилась я до Нового года – 9 декабря 1922 года, но отец не хотел, чтобы год наперёд шёл и записал 1 января 1923 года. Родная деревня Пироним, расположена в Слонимском районе Гродненской области. Мои родители жили дружно – отец без мамы даже на базар не ездил один. Она всё понимала, во всём разбиралась, а он был мастером на все руки и так смастерить умел, что никто повторить не смог. У него ещё до войны было много земли – около 18 га, но её национализировали. В семье было много детей, некоторые умирали.

Я была самой младшей. Росла непослушной, но заботливой. Отец мой говорил: «Хоть на старости получил золотое дитя!» Он любил, когда я жарила сыроежки или другие грибы в масле на сковородке. Умела ткать всякие «радюжки» (покрывала), ходники (половики), полотенца. Вечером приходили соседки, мы болтали и занимались ткачеством.

Когда-то ещё до войны, когда я была маленькой, мне хотели ампутировать ногу, но не дал этого сделать отец, сказав: «Не! Уже если девочка без ноги, то лучше пусть умирает». Он нашёл доктора, который вылечил меня, и я выжила.

Когда началась война, мне было 18 лет. Немцы хотели забрать меня в Германию, но я упиралась и вырвалась из-под колючей проволоки в городе Слоним. Подсказал мне, как убежать руды солдат. Было это так! Нас собрали, отправили в город Слоним. Здесь был небольшой лагерь. Пришёл управляющий и говорит мне: «Ничего не бери с собой. Выйди и, как только придут посетители проводить детей, стань рядом с ними». Так и сделала.

Вышла, а там была дочь моей сестры. Так и убежали: возле забора стоял воз тёти, мы на него и ходу пока охрана не заметила. За мной ещё пять человек так сбежали, а вот одного из соседней деревни застрелили.

Из семьи больше в Германию никого не забрали – не было кого. Одна сестра имела много детей и вторая – 16, муж её умер, 8 детей осталось, остальные умерли. Надо было всех поднимать на ноги. Братьев моих тоже не было в живых. Степану стало плохо в поле недалеко от дома. Не пришёл домой сын! У него осталось трое детей – девочки, самой младшей был один месяц. Это случилось ещё до войны. А Павел попал в плен, там и погиб. Сначала он был за границей, с одной войны попал на другую. Дома побыл за это время только три дня. У него остались дочь и жена. Когда строили дом, он был уже в плену.

Из Слонима после побега пешком дошла домой. Ноги сами несли. Любила ходить и могла даже в Барановичи за хлебом добраться. 35 километра до Слонима и от Слонима 17 километров до деревни – всего 52 километра в одну сторону. За один день проходила путь туда и обратно. Работала в городе Барановичи на железной дороге. Когда объявили о начале войны, все быстро вернулись домой и я тоже, даже принесла за спиной 3-4 булки хлеба.

У моей семьи был большой дом, сделанный немцами в годы войны. На снях они привезли казённого леса, дали рабочих. В нашем сарае был немецкий склад. Хотели, чтобы отец нагнал им самогонки, даже сахар выдали такими большими кусками, что пришлось их рубить топором.

Отца назначили управляющим, но он не хотел быть им, пытался отказаться, ссылаясь на то, что неграмотный и не умеет писать. Но немцы его заставляли, так как он был хорошим хозяином, у которого всё было досмотрено и в порядке. Они

Лагутик (Мелешко) Евгения Григорьевна

предупредили, что пока это просьба, потом могут поступить иначе.

В деревне к отцу относились хорошо, уважали и ценили за его доброту. Но здесь были полицаи, которые держали в страхе местных жителей. Точно четыре человека из Пиронима забрали в Германию. Из-за деятельности партизан немцы делали ночью облавы, даже застрелили соседа. На войне не была, я убежала. Тиф бушевал. Много людей умерло от него. И я тифом болела.

Однажды враги выгнали всех людей на выгон за деревней, чтобы расстрелять за связь с партизанами. Спас их человек на телеге, возможно какой-то офицер, который посмотрел и сказал: «Отпустить! Нечего людей убивать! Они ни в чём не виноваты». Это событие произошло во время немецкого отступления в 1944 году. Старших отпустили, а помоложе – в Германию. Не все поехали. Правда, немцы отступали мирно.

Вспоминается ещё один случай военных лет! Был один партизан по прозвищу Большевик. Прятался он у нас на чердаке. Немцы его искали. Было страшно, мы боялись, чтобы этот человек себя не выдал. Ставили наблюдение возле дома, несмотря на то, что дед был солтысом. Возможно, из-за доноса однажды устроили обыск ночью в доме. А Большевика на чердаке прикрыли разным тряпьем.

После войны, когда уже замужем была моя дочь, приезжал сын этого Большевика в деревню. Попал к нам во двор, и я от страха не призналась, что его отец был у нас.

Ходила в польскую школу, но учиться не хотелось, поэтому старалась спрятаться или уйти в лес за грибами. Учитель был хорошим, мог поругать, но не бил. Закончила 2 класса, потом обучение не продолжила. А будущий муж хотел учиться, но не было возможности.

Моя тётя (сестра отца) тоже в школу ходила и многое знала. Даже ещё до школы научила моих детей грамоте и читать наизусть стихотворения, особенно «Бородино». Любила перед сном рассказывать им интересные истории, стихи. На собрании все удивлялись их знаниям, а они гордо признавались, что это заслуга бабушки. Она проживала со мной и умерла, когда дети были маленькими. Была хромой – в детстве повредила ногу.

После войны в меня был влюблён один грузин, но я не отвечала ему взаимностью. Мама и папа умерли в 1946 году. И я жила вместе с тётей и женой Павла в отцовском доме. У нас было большое хозяйство, в котором все работали. Но однажды неприятели подожгли сарай (гумно) из жадности. Мы чудом выжили.

В 1948 году ко мне посватался Николай Иванович Лагутик из соседней деревни. Он был младше на 8 лет. Когда ему было 4 года, умерла его мама. Отец женился ещё раз. Мачеха не любила его с братом, но со временем её сердце смягчилось. Чтобы как-то выжить, Николай ходил на подработку к местным людям. В браке у нас родилось пять детей. Два старших сына умерли: первый, 1949 года рождения, и второй, 1951 года рождения. В живых остались две девочки и сын Владимир, который сейчас проживает в Америке.

После войны работала полеводом в колхозе. Муж ушёл в армию и вернулся инвалидом. Приходилось трудно, но мы справлялись. Его не стало в 2006 году и с этого года я проживаю с дочерью, Марчук Людмилой Николаевной, в городе Иваново, куда она приехала работать по направлению на консервном заводе. Здесь она вышла замуж и осталась.

Не люблю вспоминать о войне!

Воспоминания записала Пернач О.В.

«Людям надо делать добро!»

Родилась Вера Фёдоровна в деревне Гневчицы Ивановского района. Детство маленькой девочки и её братьев Константина и Николая омрачила смерть отца. Мама вышла замуж за Романа, отца четверых детей. В этом браке родилось ещё трое. Отчим невзлюбил неродных детей и не особо жаловал их у себя дома.

Вера Фёдоровна вспоминает, что мама пекла вкусные пироги и научила её. Самый вкусный – пирог с мёдом. Его и сейчас в семье пекут на праздники всем на зависть.

Когда началась Великая Отечественная война, ей было 11 лет. Старший брат Константин ушёл в партизаны, в то время ему было 25 лет. Она и 12-летний брат Николай жили у бабушки за «канавой» (Днепровско-Бугским каналом).

В 1943 году немцы окружили деревню и стали массово собирать людей для отправки на работу в Германию. Всех, кто был дома, вывезли на вокзал и отправили на чужбину. Эта беда не прошла стороной и её семью: маму, отчима, двухлетнюю сестру и пятилетнего брата забрали. После освобождения и возвращения родных она и брат остались с бабушкой.

Локация немцев во время войны была в деревне Рагодоць. Брат Николай, узнав о том, что немцы хотят забрать его, сбежал в деревню Власовцы, за «канаву», где до конца войны вместе с сестрой был в партизанском отряде. Их приютили тётя и её муж Семён, связной партизан. К сожалению, возвращаясь с друзьями в отряд, Семён попал в немецкую засаду, из которой только другу Ивану удалось спастись. Он был ранен, его забрали домой, долго лечили и вернули его к жизни. Дядя Семён и второй его товарищ похоронены в лесу возле деревни Власовцы. Двое в одной могиле... После войны тётю с её маленькой дочкой родители Семёна забрали к себе в Россию. И о дальнейшей их судьбе мало что известно.

В отряде девочка Вера помогала по хозяйству и ухаживала за ранеными. Она и дочь тётя, которая родилась в отряде, были здесь самыми младшими. Было трудно и очень страшно. Со слезами на глазах вспоминаются похороны близких и знакомых людей. В эти моменты казалось, что время остановилось, и нет конца творившему кошмару. Недалеко от деревни Крытышин сохранилось захоронение людей, погибших от вражеских рук.

Партизаны тоже проводили операции, диверсии, делали засады. Захватчикам была несладко на Ивановской земле. Однажды в ходе операции был схвачен молодой немец. Его могли бы убить, но не убили, а отвезли в город Иваново для допроса.

После войны Вера Фёдоровна не ходила на место партизанской стоянки, так как там ещё прятались немцы. Были и бандеровцы, творившие ужасные зверства просто так – для демонстрации собственной силы. Вспоминается самый жестокий

Марчук Вера Фёдоровна

– Больбот (Василь) из деревни Гнездовцы. Он и ещё один бандит из деревни Сухое застрелили Галю «Кравчукову», её мужа и дочку на хуторе в 1948 году. До 1954 года бандеровцы не давали спокойно жить местному населению. Прятались в поле, у дома Корца лежали в засаде. Однажды и сама Вера Фёдоровна чуть не стала жертвой бандеровского произвола, её спасла подруга Евдося, которую они не трогали, крикнув: «Не трогайте её!». Потом бандиты сбежали. Говорили в деревне, что Больбот уехал за границу и даже потом присылал посылки родственникам.

Жизнь наградила Веру Фёдоровну семейным счастьем и любящим мужем. Она вышла замуж в 18 лет, жениху на тот момент было 30 лет. Николай Макарович участвовал в военных действиях и был тяжело ранен, у него была повреждена лопатка, поэтому ему определили инвалидность 2 группы. Вера Фёдоровна преданно и долго лечила своего любимого. Когда он вернулся в 1948 году из госпиталя, они встретились и поженились. И забрали бабушку к себе. 9 мая 1950 года у семейной пары родился сын Виктор (Виталий), а в 1952 году – дочь Галина, в 1959 году – сын Константин.

Семья мужа не особо приветствовала её, потому что хотели для Николая более выгодную партию из зажиточной семьи. Но он от неё не отказался, настоял на своём и всю свою жизнь заботился и оберегал свою жену. После свадьбы его сёстры смирились, так как муж не давал её им в обиду никогда.

Они вместе прожили тяжёлые, но счастливые годы, любя друг друга и заботясь друг о друге. «Мий Миколайчык», «мий господарык» – ласково называла она его. Он был человеком с юмором, любил петь и радоваться жизни. Всегда отпускал жену с маленькой дочкой танцевать. В деревне её называли Вера Макарецёва, потому что муж – Николай Макарович («Макарец»). Он всегда дарил ей белые ромашки. К сожалению, любимого мужа не стало в 1992 году.

Работала Вера Фёдоровна в колхозе, была звеньевой, трепала лён, брала «дядки», награждена медалью «За доблестный труд». Была секретарём комсомольской организации, но из-за венчания в церкви была снята с этой должности. К сожалению, не все заслуги руководство колхоза отметило в трудовой книжке, что отразилось на размере пенсии.

Вера Фёдоровна – человек невероятный. В хрупком теле живёт такая человеческая сила! Тяжёлое детство, смерть близких людей (мужа и сына Виктора) и жизненные трудности её не сломили. Односельчане относятся к ней с теплотой и лаской, всегда хорошо отзываются о бабушке Вере. Она всегда помогала деткам, «шептала». «Людям надо делать добро!» – уверенно сказала она.

Человек трудолюбивый она даже сейчас не даёт себе ни минуты покоя, ухаживает за домом и двором, помогает детям и внукам. Всю жизнь вышивала, очень любила ткать «радюжки» и это получалось хорошо, что даже гости из Польши несколько взяли для экспозиции музея. Сейчас Вера Фёдоровна проживает одна, она инвалид 2 группы по зрению. Но её не забывают дети, волонтер и социальная служба.

Воспоминания записала Пернач О.В.

У меня было военное детство, трёхлетней девочкой я встретила начало Великой Отечественной войны. Родилась 18 марта, но записана родителями 19 марта.

Очень хорошо запомнилось из военных лет, когда партизаны взорвали в первый раз колею (железнодорожные пути) недалеко от нашего дома в 150 метрах. Немцы так осветили прожекторами местность, что в доме было очень светло – хоть иголки собирай. А мы, любопытные дети, хотели выглянуть в окно, но папа накричал на нас: «Не вставай! Не вставай! А то сейчас из автомата будут стрелять по окнам». И слышим – топот возле дома. А тогда выпал первый снег и нас это спасло – возле нашего дома не было следов.

Наш дом был самым крайним в сторону города Иваново (сейчас товарная станция). Всем, кто жил возле железной дороги, приказали переселиться от неё на 300-400 метров, потому что шла рельсовая война и немцы боялись, что в этих домах будут прятаться партизаны. А их здесь было много! После первой диверсии дали 24 часа на переселение. Пришлось дома и сараи разобрать по досочкам и перенести.

Папин друг ушёл в отряд. Партизаны зимовали у нас каждую зиму. Осень холодная и дождливая начинается, и куда им деться? Пчёл у нас было много, мёда бочками. Вот они тот мёд и ели. Мама и картошки отварит, и сала

нажарит. Страшно было топить – могут возникнуть вопросы, почему идёт дым. Но топили, мама и плиту топила. А я так боялась, что немцы узнают и нас накажут. И это счастье, что наши люди были очень дружные. Все знали о партизанах, но никто никого не сдавал.

Отец дежурил всю ночь во время их ночёвки в доме, а под утро (в три часа или в полчетвёртого) они уходили на задание. После взрыва отец ложился спать, чтобы выспаться перед работой. Работал он мастером в деревне Липники. Все его родственники (Борейко) работали на железной дороге.

Партизаны взрывали рельсы почти каждую ночь. Только отремонтируют, снова взорвут. Вагонов лежало много. На железной дороге работали и девушки, много было девочек из деревни Сухое. Молодёжь пряталась, чтобы не забрали в Германию: парни, годные к военной службе, уходили на фронт, подростки убегали в лес. Некоторые устроились на железную дорогу, а это место в то время – второй фронт. Работников не забирали ни в армию, ни в Германию. Тяжело было работать, не давали даже отдыхать – немцы с собаками были начеку.

Партизаны приходили к нам часто, потому что мы жили возле леса. Каждый день заходили. И целую зиму Гаврилова семья, наша, и тёткина с детьми зимовали вместе, ютились в одном доме с одной печью, без плиты. Мирно, правда, жили, не ругались.

Когда освобождали нашу Беларусь партизаны к нам уже не приходили. И отец часто вспоминал друга Анатолия, россиянина, ставшего партизаном, и данное им обещание вернуться в наши края живым. Но он так и не пришёл...

Карательных операций в деревне не было, потому что не было предателей. Партизаны могли ходить даже днём. Идём однажды мы с Людой, моей двоюродной сестрой, а она и говорит: «Слушай! Там за кустом партизан лежит и смотрит в бинокль. Ты не смотри в упор, а скоси немного глаза» Я смотрю – точно, возле самой дороги лежит. А рядом казармы немецкие

Савицкая (Борейко) Раиса Андреевна

(возле деревни Огово).

В деревне Огово была комендатура, немцы квартировали во всех домах. Комендант жил у двоюродной сестры отца. Она проживала одна с маленьким сыном, а муж был на фронте. Немцы покупали у нас молоко, а мы продавали, ведь деньги нужны были.

Помню, как упала одна-единственная бомба в 300 метрах от нашего дома. Удар был такой силы, что вырвало стену дома двоюродной сестры моей бабушки. А у нас и у тётки в доме вылетели все окна до единого стёклышка.

Ребёнком я смотрела дважды смерти в глаза. Первый раз это было в 1942 году, в разгар войны. Партизаны вывели из строя очень большую часть железнодорожного пути. Началась облава, в которой отличились больше мадьяры. Увидев польского пастушка лет двенадцати, они его спросили, в какой дом пошли партизаны, и пообещали дать конфет и закурить. А он и указал на наш дом.

Дом окружили, всех поставили к стенке – три семьи. А также под раздачу попал мужчина, гнавший корову по дороге. Обыск. Нашли мак, который моя тётка вырастила для пирогов. Приняли за порох. Отец пытался переубедить, даже взял его в рот. Всё равно не поверили. Уже вот-вот расстреляют, но кто-то доложил немецкому офицеру. Он сел на коня и издалека, увидев, что на нас наставлено оружие, начал кричать и махать руками. Прискакал, стал расспрашивать. Отец и рассказал про мак. А он ударил по лицу солдата и приказал опустить оружие. Офицер попробовал мак и говорил, что вкусно и его жена печёт пироги с маком. Отец хотел отдать в благодарность весь мак в торбочке. Но он взял немного, остальное оставил нам. Мы пережили такой страх, что не передать словами!

Второй раз – в 1944 году во время отступления немцы забирали лошадей. А отец спрятал свою в лесу. В то время без коня тяжело было: не вспашешь, не посеешь... Мы с братом Андреем сидели на пороге. Пришли немцы и спросили, где лошадь. Мама ответила, что забрали. Ни слова не произнеся, немец ударил по лицу и ногой в живот беременную женщину. От боли и испуга она побежала к тётке во двор. Упала на землю в огороде и на животе ползла в сад, а за садом – лес. Добралась до леса и вспомнила, что дети дома. Испугалась, что нас убьют. А тётка тем временем нас завела в дом и спрятала на запечье. Андрей начал хныкать от испуга. А немецкий офицер приказал найти детей и бросить в колодец. Но они спешили и дело своё не завершили. Отец рассказывал, что этих немцев убили партизаны. Мама плакала целый день. Вот какие гады, звери, каты! Я испугалась за Андрюшу. Сколько прятались и по кустам, и в жите летом. Андрей плакал, а женщины отправляли нас домой, говорили, что и мы не спасёмся, и их убьют. Мама решила вернуться домой.

Когда пришли наши, все радовались, что война закончилась. Плохо то, что убили молодого маминого брата Сергея, 24 года. Два брата её воевали, оба были офицерами. Один – 1917 года рождения, второй – 1934 года рождения. И дед воевал и остался жив.

Что мы страха пережили! Ночью партизаны ночевали. С ними были две девушки из деревни Бродница, а их тётка жила по соседству, но ночевали у нас, потому что она жила за железной дорогой и там было трудно спрятаться. Печь вытоплена раненько да горячая! А я спала на запечье и одна из этих девушек, по имени Маня, со мной, а мне страшно, всё к стенке

жмусь. А она меня уговаривает: «Рая, не бойся! Я тебя не буду трогать! Вас никто не тронет». Много у нас ночевало людей: и на полу лежали, и на кровати.

Помню ещё один случай из военного времени. Были в гостях у папиного брата, и застала темнота нас. Нас не отпустили домой из-за комендантского часа, и мы остались на ночь, сели ужинать. Приходит еврейская девочка и просит спрятать её в обмен на золотые часы. Отец отправил её к партизанам, а часы не захотел брать. Думаю, что она нашла отряд, так как слухов про убийство еврейской девочки не было.

Война – это страшно! Не дай, Бог!

Детство послевоенное было тяжёлым: голодное, холодное, не было что обуть, не было во что одеться, но оно было интересным. В школу пошла в 9 лет осенью 1945 года. Были и те, кто шёл и в 12 лет, и в 15 лет, и даже старше. Вспоминаются снежные зимы, снега было по колено. Была я невысокого роста, остальные дети повыше. Классы не топились, сидели в фуфайках (куфайки) с чужого плеча.

После войны закончила 7 классов Оговской школы. Как проезжаю мимо школьного здания, сердце так и ноет. Участвовала в самодеятельности: хорошо пела, играла в пьесах. Однажды ставили пьесу «Партизаны», и меня переодели в партизана. Что тогда было надеть: штаны какие-то рваные, фуфайка рваная, шапка-ушанка: одно ухо вверх, второе вниз. Мария должна была говорить реплику, но увидев меня, со смеху не смогла сказать ни слова. Она так хохотала, что и я стала хохотать. Мы с ней не виделись 40 лет. Но однажды встретились на похоронах. Я её узнала по глазам, а она меня не сразу. Вспомнили пьесу...

Отец получал за работу на железной дороге столько, что можно было купить пуд жита. Пока не начались колхозы, мы выращивали всё своё. А после коллективизации для нас началось бедствие. Всё забирали: корову, коня, инструменты, у нас клуню забрали. Трудно было жить! Земли забрали около 40 гектаров. И лес был свой, и поле. У деда был большой сад, в 1940-м году частично вымерз из-за сильных морозов, а частично вырезал колхоз. Помню и тот сад, и дом. Всё забрали, деда раскулачили и вывезли, а в доме организовали клуб и библиотеку. Дом большой, добротный. Мама говорила, что только три года прожили в новом доме. Она уже была замужем. Часто плакала, жалела своих родителей и труда, вложенного ими в эту землю. А забрали бесплатно и не вернули. Как много всего не спросила у своих родителей! Если бы вернуть время назад, дословно бы всё узнала!

Бабушку и дедушку вывезли в 1940-м году, в январе, а в 1941 году, когда началась война, сыновья ушли на фронт и дедушка (отец матери) вместе с ними, а папин отец родом из деревни Лясковичи, был железнодорожником и рано умер. В этой деревне похоронены родители и многие родственники.

После школы осталась на работе в колхозе: сначала в полеводстве, а потом дояркой. Была передовой дояркой. Участвовала в съездах, слётах. В деревне Молодово открывался клуб, и я вместе со своим начальством присутствовала на открытии.

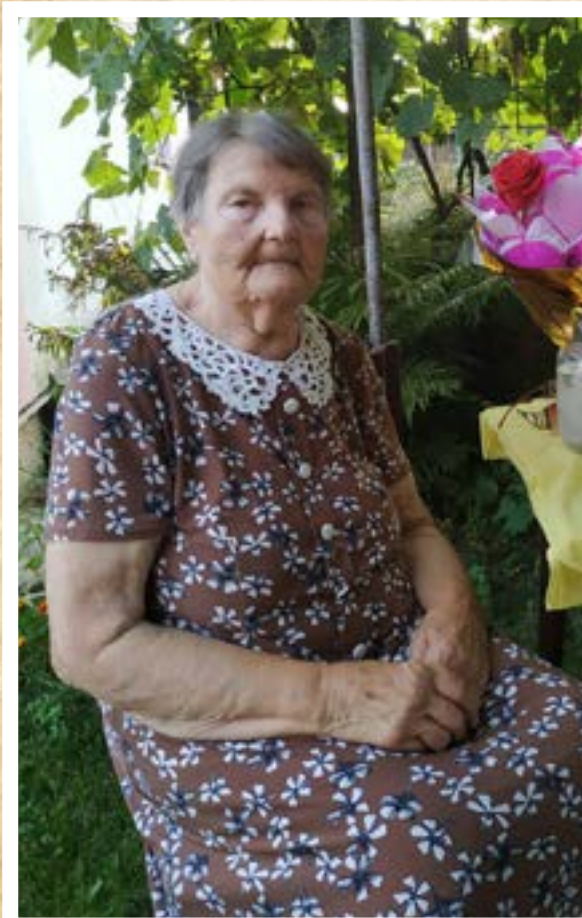
Муж мой, Владимир Герасимович, был моим соседом. Пришёл он из армии, а я девчонка молодая, красивая 18-19 лет. Выбрала меня свекровь. Она была очень хорошей. Нас было четыре невестки, и никогда в жизни она не обговорила ни одну, всегда была за нас горой. И свёкор был тоже хорошим. В их семье было принято друг другу помогать.

Муж работал составителем на станции. Потом перешёл в депо и на пенсию. Даже просили его, чтобы он ещё поработал, но я настояла на своём. Но пригласили кочегаром на станцию, и он проработал 6 лет на станции.

Родилось в браке трое детей: Анатолий, Пётр и Наталья. Было четверо внуков, но одного не стало. Двое правнуков у меня, один из них закончил школу звонарей.

Читаю много духовной литературы. Хожу в церковь.

Записала воспоминания Пернач О.В.

Родилась Юлия Андреевна 29 июля 1929 года на хуторе недалеко от деревни Рудск Ивановского района в крестьянской семье. Отец Андрей был человеком грамотным и уважаемым, даже руководил сельпо. Дочь также получала образование в польской, потом в белорусской школе, но завершить обучение смогла только после войны.

Когда пришли немцы в деревню Рудск, ей было двенадцать лет. Война для неё и её родственников началась трагически. В Рудске немецкие солдаты были на постое в доме Засимовича. Хозяин однажды услышал, как местный полицай сообщил о том, что Гринчуки держат связь с партизанами. Ими было принято решение – на следующий день убить всех Гринчуков.

Предатель хотел свести личные счёты. Ещё задолго до войны один из братьев матери встречался с девушкой-полячкой, в которую был влюблён и он. А она выбрала Гринчука и вышла за него замуж. Затаив обиду и ненависть ко всем Гринчукам, будущий полицай искал повод для мести. Гринчук – это девичья фамилия матери Юлии Андреевны Анастасии. Недалеко, в деревне Красное, жили и её братья. Их судьба оказалась очень печальной: они погибли вместе со своими семьями. Похоронены в братской могиле в городе Иваново.

Хозяин дома оказался очень порядочным человеком и не побоялся ночью переплыть полноводную речку Неслуху. Добравшись до хутора, где жила Юлия Андреевна с родителями, он предупредил её отца: «Андрей, убегай! Завтра тебя придут убивать! Тебя и братьев Настасьи!».

Отец забирает детей, помимо дочери Юлии у них было ещё трое, выпускает корову, коня. А сами бегут в соседнюю деревню Конотоп. Всех шестерых забрать одна семья не могла, поэтому их разобрали люди. Кто к кому попал: мама жила в одной семье, дети – в другой. Они там были, у чужих людей, до конца войны.

Корову и коня им вернули хорошие люди, которые во время нахождения немцев в деревне присматривали за животными.

Немцы, приехав на хутор, никого не нашли и сожгли дом и сарай. И на этом месте до сих пор растёт груша, за деревней Рудск, возле речки. Сейчас уже её плохо видно из-за молодого леса.

Двойное отношение к немцам у Юлии Андреевны осталось на всю жизнь: с одной стороны, они убили многих её родственников, а с другой стороны, в Конотопе тоже были немцы и местные жители приходили к ним на кухню, где им давали еду повара, приводили животных к фельдшеру.

В доме родителей зятя (ул. Советская, г. Иваново) немцы квартировали. Скорее всего, это были простые рабочие из Германии, не жалевшие нашим детям конфет. Однажды у них была свежина из свинины, и сделали они её втайне от полиции.

А гестапо – есть гестапо! Они его сами боялись.

После войны местные власти выделили небольшую помощь. Родители работали в колхозе. Дочь помогала своей матери зарабатывать трудодни. Семья ютилась ещё в чужом доме, потом уже построила свой в деревне Конотоп.

Юношеские годы нельзя назвать беззаботными. Очень тяжело работали, всё делали вручную: сажали, сеяли, копали, жали. Потом в начале 1950-х годов молодёжь призывали на работу в Россию. Юлия Андреевна уехала на работу в Горьковскую область, где работала обходчицей на железной дороге на станции Поржня. Там она встретила со своим будущим мужем, который работал машинистом. Он всегда катал её на поезде и отвозил по возможности в нужное ей место. Молодые люди поженились, и у них родилась дочь Людмила.

Прожили они здесь ещё какое-то время, даже тогда люди в этой области жили беднее и хуже, чем в Беларуси. Поэтому жена сумела как-то переубедить своего мужа переехать на белорусскую землю, где родилась вторая дочь Зоя.

Немного прожив в Конотопе, семья переехала в Одесскую область, но старшей дочери не подошёл климат, поэтому вернулись в город Иваново. Юлия Андреевна устроилась на работу в больницу, где проработала до самой пенсии.

Прожила она хоть и тяжёлую, но достаточно долгую жизнь – 90 лет!

Воспоминания дочери Хала Людмилы Егоровны.

Реализация проекта

ВНИМАНИЕ. ПОЧТЕНИЕ. ЗАБОТА

ОБУЧЕНИЕ ВОЛОНТЕРОВ

правилам общения с целевой группой и уходу за ними

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВАЯ ПОМОЩЬ *членам целевой группы на дому, совместные занятия по интересам*

«ДОМАШНИЕ ВСТРЕЧИ»

с маломобильными и немобильными членами целевой группы

РАБОТА ИНТЕРНЕТ-КАФЕ НА ДОМУ

для маломобильных и немобильных членов целевой группы

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ИНТЕРЕСАМ

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С НОВЫМ ГОДОМ И ЮБИЛЕЯМИ

КУЛЬТУРНО-МАССОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Мероприятие, посвящённое 75-ой годовщине освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков «Вспомним годы боевые»

Конкурсно-развлекательное мероприятие «Праздник весны, цветов и любви»

Конкурсная программа «И помнит мир спасенный»

Калейдоскоп добрых дел «С заботой о каждом»

ЭКСКУРСИИ ПО ПАМЯТНЫМ МЕСТАМ

Брест

Минск: центральный ботанический сад

Минск: музей

Музей - усадьба Тадеуша Костюшко в Коссово Дворец Пусловских (Коссовский замок)

Выражаем благодарность тем, кто оказал нам помощь в подготовке этого фотоальбома: бывшим узникам фашистской неволи, свидетелям военного времени, ветеранам-волонтерами проекта, учителю истории средней школы №3 г. Иваново Пернач О.В.

Мы признательны также всем неравнодушным людям, записавшим воспоминания участников событий Великой Отечественной войны, предоставившим фотографии и документы из семейных архивов, вошедших в фотоальбом.

Война... Жестокое слово, лишаящее людей сил, но не сломившее их веры и надежды.

Война принесла неисчислимые беды человечеству, не щадила ни детей, ни стариков, ни женщин. Гибли все, независимо от возраста, пола, национальности. Трудно представить, что можно было отнять у мальчишек и девчонок не только детство, хлеб, дом, материнскую ласку, но и Родину, свободу.

Память... Человеческая память бережет и сохраняет то, чего уже нет, что давно прошло, и воспроизводит в сознании прежние воспоминания. Даже самые страшные, самые жуткие...

***Эта память, верьте люди,
всей земле нужна.
Если мы войну забудем,
вновь придет война.***

Составитель: Ивановский районный совет ветеранов

Государственное учреждение «Ивановский территориальный центр социального обслуживания населения»

Издатель: